



Фернандо  
Пессоа

Оды  
Рикарду  
Рейша

Воймега ■■

Москва  
**«Воймега»**  
2020

Fernando  
Pessoa

**Ricardo  
Reis  
Poesia**

*tradução de  
Iryna Feshchenko-Skvortsova*

Фернандо  
Пессоа

Оды  
Рикарду  
Рейша

*в переводе  
Ирины Фещенко-Скворцовой*

УДК 821.134.3  
ББК 84(4Пор)-5  
П28



Книга издана при финансовой поддержке Института Камозенса, Министерства иностранных дел Португалии и Генерального управления печатью, архивами и библиотеками (DGLAB).

Obra publicada com o apoio do Camões – Instituto da Cooperação e da Língua, I.P. e da Direção-Geral do Livro, Arquivos e Bibliotecas (DGLAB) / Portugal.



Переводчик выражает признательность доктору социологических наук Педру Серрану, без чьей бескорыстной помощи перевод не смог бы состояться.

A tradutora agradece ao Doutor Pedro Serrão a colaboração, sem a qual esta tradução não teria sido possível.

*Перевод с португальского:*  
Ирина Фещенко-Скворцова

*Научный консультант:*  
доктор социологических наук Педру Серран

*Редактор:*  
Ольга Нечаева

*Руководитель проекта:*  
Александр Переверзин

**Пессоа, Фернандо**

П28 Оды Рикарду Рейша / Фернандо Пессоа; перевод, вступ. ст. и прим. Ирины Фещенко-Скворцовой. — М.: Воймега, 2020. — 264 с.

ISBN 978-5-6043511-4-7

ISBN 978-5-6043511-470

© И. Фещенко-Скворцова,  
перевод, вступ. ст., прим.; 2020  
© «Воймега»; 2020

## Фернандо Пессоа / Рикарду Рейш: мудрость и печаль на пути к свободе

Я верю в существование богов;  
верю в их бесчисленное множе-  
ство, в возможность для человека  
подняться до бога.

*Рикарду Рейш*

Человек не должен видеть своё лицо. Лишь отражение в воде. И даже поза, которую он принимает, чтобы рассмотреть себя в воде, символична: ему приходится согнуться, припасть к земле...

Это мысли Фернандо Пессоа из «Книги непокоя». Забыть о себе самом, стать ничем, пустотой, в которой рождается миф. Так превращал себя в миф один из самых странных и удивительных гениев XX столетия. В стихотворении «Улисс» из книги «Послание» он писал:

Миф — ничто, но Вечность в нём...

.....

Так легенда в свой черёд,  
В жизнь ворвавшись дерзновенно,  
В ней зачнёт бесценный плод.  
Длится миф, а жизнь — мгновенна,  
Вспыхнет и пройдёт.

Это сказано не только об Улиссе/Одиссее, Пессоа говорил и о себе. Или это признание: «Я сам — ничто, я — тьма, что стала мной». Известно, что, по странной случайности, сама фамилия Пессоа, перешедшая к нему от отца, переводится как «человек, персона, персонаж».

Миф — это длящаяся, непреходящая жизнь, просвечивающая через жизнь преходящую, смертную. Внешне, для других, он был Фернандо Пессоа. Но для себя, внутри себя не имел имени. Как он сказал об Улиссе: «Не для жизни был назначен», так можно сказать и о нём самом. По словам прекрасного эссеиста, исследователя твор-

чества Пессоа Эдуарду Лоуренсу, этот человек «пришёл в Португалию и сделался мифом в ней, так что теперь португальцы не могут себе представить небо своей культуры без него в центре, без этого сверкающего мифа, излучающего загадочный свет».

Превращение самого себя в миф шло у Пессоа путём гетеронимии. Миф великого португальца связан с его «несуществованием», с созданной им метафизической комедией — драмой в личностях. Он первый драматург, который не писал пьесы с действующими в них персонажами, но даровал жизнь этим персонажам, сделал их творцами, побуждая к дискуссиям друг с другом и с самим собой.

За свою жизнь Пессоа создал множество масок-гетеронимов, а начал выдумывать их ещё в раннем детстве. В широко известном письме к Адольфу Казайшу Монтейру от 13 января 1935-го (год его смерти) поэт с безжалостным откровением признавался: «Первопричина моих гетеронимов — довольно сильно проявленные во мне истерические черты. Я не знаю, являюсь ли я просто истерической личностью или, правильнее сказать, истеро-неврастеником. Я склоняюсь к этой второй гипотезе...»

Но только трёх гетеронимов можно назвать главными. Эдуарду Лоуренсу говорит о создании трёх королей-магов, трёх главных гетеронимов-масок как о способе существования Фернандо Пессоа в коротком промежутке, называемом жизнью: футуристом — с Алвару де Кампушем; римлянином, неуязвимым для тоски, — с Рикарду Рейшем; греком, божественно радостным или печальным, как сама Природа, — с Алберту Казэру. Это три различные манеры притворяться, что в нашем существовании можно обнаружить какой-то смысл, понять, кто мы такие, что можно найти верный путь, угадать (построить?) свою судьбу.

О сути загадочной личности Пессоа не скажешь лучше него самого. Обращаясь в «Книге непокоя» к королю Людвигу II Отто Фридриху Вильгельму Баварскому, поэт даёт определение собственной личности: «Твоя любовь к вещам, вымышленным твоими мечтами, была твоим презрением к вещам действительным».

Король-Девственник, ты, презирающий любовь,  
Король-Тень, что пренебрегает светом,  
Король-Мечта, ты, что не желал жизни!

Современники Пессоа, хотя он и был неоспоримым авторитетом в кружках лиссабонского художественного авангарда, известным по журнальным публикациям поэтом, прозаиком, эссеистом с философским складом мышления, основоположником португальского модернизма, — не знали о нём главного. Не знали, что он отказался от семейной жизни ради литературы, которую считал мистическим предназначением. Он брался за скучную работу переводчика деловой корреспонденции, но отводил ей ровно столько времени, чтобы хватало на самую скромную жизнь. А всё остальное время отдавал творчеству. В последние годы жизни Пессоа признавался своей возлюбленной Офелии Кейрош, что у него на тумбочке у кровати всегда лежат бумага и карандаш, почти каждую ночь он просыпается и пишет. Он писал везде, где посещали его мысли: за столиком в кафе, на улице, в поезде... Не считал себя вправе жениться, потому что для него на первом месте всегда была литература. Литературу, творчество он сравнил в «Книге непокоя» с леди Макбет, наделив её сверхъестественным женским очарованием, которое, наряду с коварством, ведёт к гибели тех, кто предался ей всей душой. Как можно любить обычную женщину, после того как ты любил леди Макбет или Антигону?

После смерти Пессоа осталось колоссальное наследие: полный сундук рукописей, среди них — записи на обороте счетов, рекламных проспектов, вырванные из блокнота листки, даже салфетки, машинописные страницы, исчерканные пометками... Самые близкие друзья Пессоа не сразу, но сумели доказать, что Португалия проглядела гения в незаметном клерке-переводчике... И тогда началась кропотливая работа с наследием поэта, работа, которая продолжается и сегодня.

Одна из ключевых идей Пессоа — желание стать сверх-Камознсом, и в этом стремлении он критиковал своего великого предшественника, но и невольно вдохновлялся его идеями, соревновался с ним. Луис де Камознс (а точнее — Луиш Вж де Камознш) искал поэтического вдохновения в классической античности: особенно это заметно в первой песне «Лузиада», где описывается совет богов



на Олимпе. И для того чтобы превзойти величие «короля лузитанских поэтов», Пессоа должен был обратиться к классике.

Его полугетероним философ Антониу Мора писал о Древней Греции как о колыбели цивилизации. По его утверждению, из неё видится целый мир, прошлое предстаёт будущим — так поднимается над горной цепью других цивилизаций высочайшая вершина её творческой славы. Наблюдать мир «из окна Древней Греции» — означает держать весь мир в ладонях, означает не удивляться ничему, ибо всё в этом мире уже было сказано и написано. И из всех гетеронимов к этой вершине ближе всех подошёл «португальский Гораций» Рикарду Рейш.

По словам Пессоа, Рейш родился 19 сентября 1887 года, учился в иезуитском колледже, где выучил латынь (а древнегреческий — самостоятельно), окончил курс медицины. Убеждённый монархист, что подчёркивает и его фамилия (reis переводится с португальского как «короли»), он эмигрировал в Бразилию после провала монархического мятежа в начале 1919 года, некоторое время жил в Перу, затем преподавал в одном из американских колледжей. Пессоа не дал сведений о смерти этого гетеронима. В романе Жозе Сарамаго «Год смерти Рикарду Рейша» называется 1936-й — через год после смерти самого Пессоа.

Рикарду Рейш — личность довольно загадочная, это наименее изученный гетероним Пессоа. Мнения исследователей разделились с самого начала: одни считали Рейша жалким эпигоном Горация, другие сразу разглядели в нём глубокого, оригинальнейшего автора. А друг Пессоа Мариу де Са-Карнейру писал в январе 1914 года о присланных ему одах: «Оды Рейша удивительны. Вы смогли создать новую классику, вдохновлённую Горацием <...> Если в текстах Каэйру ещё время от времени чувствуется рука мастера Фернандо Пессоа, то этого совершенно нет в одах Рикарду Рейша. В них красота и гений — от вас, но они всей своей композицией принадлежат Рейшу. Уже первая строфа первой оды по своей простоте и классичности — великая вещь и совершенно новая, это Гораций с более возвышенной душой».

Сейчас практически не осталось «противников» Рейша, всё больше появляется серьёзных научных исследований, в которых отдаётся

должное его утончённым одам, гордой и горькой философии, его религии — «новому португальскому язычеству». Все новые интертекстуальные связи с мыслителями древности и современными философами обнаруживают в поэзии и прозе этого гетеронима литературные критики. Среди них наиболее важным следует признать мнение Эдуарду Лоуренсу — о том, что многие критики просто нечувствительны к высокой поэзии Рейша. Она имитирует античность, и совершенство её образов, будто высеченных из мрамора, достойно античности. Но в то же время она отличается оригинальной глубиной и подлинной современностью: «То, что выходит из-под пера Рейша, — глубокая печаль, по своей сути очень современная».

Известная исследовательница Мария Елена да Роша Перейра также подчёркивает, что Рейш — самый трудный для понимания гетероним Пессоа. По её мнению, причина этого в том, что оды, в которые он сумел вместить всю богатейшую культурную традицию человечества, представляют собой внутренний диалог между прошлым и настоящим: он ведётся своеобразным поэтическим языком, наполненным архаизмами, латинизмами и эллинизмами, вычурными фигурами речи (гипербатонами, эллипсисами, умолчаниями, оксюморонами и др.). Синтаксис многих его текстов латинизирован, намеренно усложнён, для него характерен перевёрнутый или искажённый порядок слов, усиливающий впечатление от поэтической речи, придающий ей благородство и возвышенность. Из-за частого употребления глаголов в повелительном наклонении и герундия в одах появляется даже дидактический тон.

Всё это создаёт намеренное отдаление от читателя, делает затруднённым восприятие текста. Речь, вставленная в жёсткую ритмическую схему, стремится к одной цели: создать впечатление холода, сдержанности, искусственного и непродуктивного возвращения к прошлому. Понятно, что такая поэзия и не может быть доступной каждому.

Холод мрамора, из которого изваяны оды Рейша, идёт от пятого этажа на улице Золотильщиков, где одиноко жил автор «Книги непокоя» Бернарду Суареш, окружённый лишь размышлениями и блужданиями духа. Ощущение холода возникает в его рассказах из-за усталости от существования. Та же усталость сквозит в стихах Рейша. Когда он выражает пожелание, чтобы зима наступила не в сознании,

но всего лишь в природе, читателю не верится в это. Зима в сознании или холод в сердце — похоже, они были присущи Рейшу:

Мы чувствуем не то, что есть, но только  
Доступное рассудку. Вот зима,  
Её мы принимаем как судьбу.  
Пусть будет на земле, но не в сознание нашем,  
Чтобы в любой любви и книге мы любили  
Наш кратковременный очаг.

Приведу для сравнения отрывок из «Книги непокоя»: разве не тот же холод был и в сердце Бернарду Суареша?

«Я родился в такое время, когда большинство молодых людей потеряли веру в Бога по той же причине, по которой их предки её имели: не зная почему. И, так как дух человеческий имеет природную тенденцию критиковать оттого, что чувствует, а не оттого, что думает, большинство этих молодых выбрали Человечество в качестве замены Богу. <...> Я решил для себя, что Бог, будучи недоказуемым, мог бы существовать, и в этом случае его должны были бы обожать; что Человечество, будучи чисто биологическим понятием, означающим просто-напросто вид животных, именуемый человеком, было не более достойным поклонения, чем любой другой вид животных <...> Итак, не умея верить в Бога и не имея возможности верить в определённую совокупность животных, я остался в стороне от людей, на расстоянии от всего, что обычно определяется как Декадентство. Декадентство — это полная потеря бессознательности, потому что бессознательность — фундамент жизни. Сердце, если бы могло думать, остановилось бы.

Для того, кто подобно мне живёт как бы вне жизни, что остаётся, кроме немногих партнёров, кроме отречения как способа и созерцания как судьбы? <...> чуждые торжественности всех миров, безразличные к божественному и презирающие человеческое, мы легкомысленно посвящаем себя ощущению без цели, культивируемому в утончённом эпикуреизме, — единственному, что соответствует нашей умственной энергии».

Сам Пессоа определил сущность Рикарду Рейша так: «Греческий Гораций, который пишет по-португальски». Он рассказывал об этом

гетерониме: «Доктор Рикарду Рейш родился в моей душе 29 января 1914 года в 11 часов ночи. В предыдущий день я участвовал в дискуссии о современном искусстве. Вспоминая эту беседу, я неожиданно обнаружил, что передо мной возникла определённая неоклассическая теория. Я нашёл её прекрасной, было интересно, что она развивалась у меня в голове вопреки моему несогласию с её основополагающими принципами. Я решил сделать её «научным неоклассицизмом». Впрочем, в уже цитированном письме Казайшу Монтейру он утверждал, что Рейш впервые появился в его воображении в 1912 году, а окончательно возник два года спустя, в марте 1914-го. Известный исследователь Пессоа и издатель его книг Ричард Зенит считает, что поэт задумал Рейша первым из трёх главных гетеронимов. Однако произведения «португальского Горация» начали появляться позже: первые из них датированы 12 июня 1914 года (сразу семь од; ещё четыре написаны 16 июня и ещё три — 19-го). А последнее стихотворение помечено 13 декабря 1933-го.

В биографии Рейша великий португалец использовал детали собственной жизни. В дурбанском лицее Пессоа, по его собственным словам, прочёл Мильтона раньше, чем Камюэнса, читал Горация в оригинале и упражнялся, как и его соученики, в переводе од английскими стихами. Кроме Мильтона, Пессоа изучал и других английских поэтов, также специализировавшихся в переводе греко-латинских авторов: Кроули, Марвелла, Джонсона. В архиве Пессоа сохранились записи структуры сапфической и алкеевой строф на английском языке, а также перевод пятой оды из первой книги Горация, обнаруживающий безупречное понимание оригинала юношей-лицеистом. Позже Пессоа пришёл к выводу, что при переводе античной поэзии уместнее нерифмованные стихи, причём ритмика должна быть более изящной и лёгкой — именно такое построение спасает от монотонности, присущей белым стихам. Как известно, Пессоа, начавший путь в литературе с английского языка, только с 1908 года стал писать по-португальски, вдохновлённый Алмейдой Гарреттом (книгами «Опавшие листья» и «Цветы без плодов»). У Гарретта он также мог встретиться с переводами греко-латинской поэзии: из Сафо, Алкея, Анакреонта, Горация.

Формы и темы многих од Рейша идут от Алкея и Горация. Но это иллюзия подражания: они перекликаются со своими моделями, но вовсе за ними не следуют. Это можно увидеть в вариантах оды «Остаюсь на века я, созерцающий...». Каждый вариант даёт свою версию, говорит о другом (первой это показала исследовательница Пессоа Мария Фернанда де Абреу). Взяв за основу «Ехегі monu-mentum...» Горация, Рейш фактически противоречит латинскому классику, доказал молодой лиссабонский филолог Нуну Амаду.

Силва Белкиор первым установил интертекстуальные связи между одами Рейша и поэмами Вергилия. Например, упоминание о «девяти объятых Стикса», скорее всего, пришло из «Георгик» и «Энеиды». Мозаику из цитат представляет собой одна из самых известных од: «Лето приносит цветы, что снова...» Это тема Горация, речь идёт об ушедшем великом поэте. Читатель может подумать, что это Гомер, хотя упоминаются и другие поэты: Алкей, Пиндар. Но многие исследователи пришли к выводу: в конце оды Рейш/Пессоа между строк говорит и о самом себе, упоминая среди городов, ставших родиной поэтов, и Лиссабон — город, воздвигнутый Улиссом и увенчавший семь холмов. Как известно, Пессоа родился в Лиссабоне в доме на площади Святого Карлуша.

Фернандо Пессоа смело экспериментировал в области поэтической метрики, в основном под маской своих главных гетеронимов. Поэтику «португальского Горация» он выстраивал особенно тщательно, исследуя системы стихосложения других культур, в частности греко-латинскую и английскую. Но законы стихосложения античности резко отличаются от довольно свободной португальской системы. Строгие правила, характерные для античных логоэдов, стали бы для португальской поэзии удушающим корсетом. С другой стороны, разнообразие логоэдов открывало богатейшие возможности и позволило сделать собрание од Рейша многоголым музыкальным произведением.

Как решает эту проблему Рейш/Пессоа? Он создаёт собственные метрические формы на базе античных строф, приспособляя их строгие правила к португальской системе версификации. К такому вы-

воду приходит Фернанду Лемуш и другие исследователи метрики Рейша/Пессоа.

Лишь иногда Пессоа строго соблюдает античные формы. Мне удалось найти у Рейша оды, написанные малой сапфической строфой («Ведом страх мне, Лидия, перед роком...») и несколько изменённой большой («Бледность дня слегка позлатить...»). Чётко воспроизводит Рейш/Пессоа дактилический катаlecticеский гекзаметр в оде «Лидия, ты приходи посидеть у реки неширокой...». Но в большинстве од сочетаются различные элементы античных строф. Фактически перед нами имитация логоэдов, продукт творчества Рейша/Пессоа. Включённые в эту книгу переводы построены по тому же принципу: иногда это воспроизведение античных строф, чаще — их имитация.

Рейш был поклонником Ананке\* — высшей силы, которой повинуются даже боги Олимпа. Поэт воскрешает дух классической античности, а язычество позволяет ему приблизить богов к человеку. В его пантеоне олимпийцев почти нет места Афродите, или Венере, — богине любви; не упоминается Эрос, или Амур, — бог любви и наслаждения. Зато большое место занимают Деметра, или Церера, Диана, или Артемида, и Пан — древнегреческий бог пастушества и скотоводства, плодородия и дикой природы.

Как в оды «португальского Горация» естественно вплетаются имена то римских, то древнегреческих богов, так и в его мироощущении сосуществуют две доктрины, которые должны бы противоречить друг другу. Это эпикуреизм и стоицизм, достигшие расцвета в эллинистической философии. Эпикуреизм считает удовольствие единственным путём к счастью, эта система идей не приемлет боли и страдания. В отличие от приверженца гедонизма, эпикуреец ищет удовольствия спокойного и безмятежного, в гармонии с природой. Стоицизм — философская система, возникшая в Греции и перенесённая в Рим в середине II века, её последователи — Сенека и Марк Аврелий. Это учение велело подчиняться законам природы

---

\* В древнегреческой мифологии — божество необходимости, неизбежности, персонификация рока, судьбы и предопределённости.

и невозмутимо принимать всё происходящее в жизни. Достаточно держаться добродетелей, чтобы не быть несчастным.

От эпикуреизма Рейш взял апологию высшего безразличия к происходящему и любованию убегающим моментом. Ему близки идеи *carpe diem* (крылатое выражение, означающее «живи настоящим», «лови момент»), *aurea mediocritas* (золотая середина — пожелание образа действий, поведения, чуждого риска), *locus amoenus* (сад Эдема, или Элизиум, где человек может укрыться от бега времени и смерти). От бесстрастия стоиков у Рейша — напряжённое спокойствие в принятии относительности всех вещей, он призывает созерцать бездну грядущего Ничто, отстраняясь от боли и страстей с улыбкой, с бокалом вина в руке, чем напоминает нам о Фернандо Пессоа — авторе «Рубайята». Иллюзия свободы и счастья возможна только в случае добровольного принятия человеком своей судьбы, отречения от страстей и привязанностей земной жизни. Вот как выразил это Рейш:

Мне же уз не иметь боги позволили,  
Дар свободы вручив и одиночества —  
Хлад обнажённых вершин.

Творчество Рейша, по словам его создателя, — это сознательное и дисциплинирующее усилие, направленное на обретение спокойствия. Но это спокойствие даётся очень нелегко. Тема краткости жизни постоянно звучит в его стихах. Страх перед смертью — лейтмотив од — противоречит эпикурейским мотивам его философии, ведь последователи Эпикура считали, что смерть вовсе не препятствует совершенному наслаждению жизнью, она всего лишь рассеивание атомов, из которых состоят человеческие тело и душа, таким образом, от нас ничего не остаётся — нечему переживать период посмертия, а поэтому — не стоит бояться смерти.

Понимая эфемерность жизни, но при этом и необходимость наслаждаться моментом, Рейш ищет хотя бы временное решение проблемы, которое помогло бы утишить боль существования. Именно в эти моменты он обращается к своим музам, воспекает вино и красоту цветов, которые могут смягчить осознание уходящего времени. Но освободиться от этой боли до конца он не может.

Рейш пытается следовать за Горацием, имитировать тон весёлый и радостный, ведь Гораций был поэтом праздника. Он страдает от предчувствия конца, и это мешает ему «ловить момент».

Внешне он принимает позу «поэта Бахуса», увенчанного розами, с кубком вина в руке, возлежащего рядом с музыкой. Но это всё внешнее. Ничего дионисийского нет в этой умственной поэзии. Ничего плотского, чувственного, только элегантное и строго-выскаательное размышление о судьбе.

«Рейш — маска под маской, где высказанное страдание — это маска, под которой скрывается страдание невысказанное», — писала Лейла Перроне-Мойзеш.

Французский философ и социолог Эдгар Морин говорит о необходимости мудрости, ощущаемой человеком как нечто требующее осторожности, умеренности и освобождённости, другими словами — дисциплины. Рикарду Рейш, эпикурец-стоик, как раз и предстаёт поэтом умственной дисциплины, с его помощью Пессоа ищет в греко-римском наследии возвращения к прошлому и освобождения, ищет обуздания и повиновения, которые необходимы, чтобы выносить собственное существование. Этот мир рассеивания и временности, мир проявлений, истинная глубина которых от нас полностью скрыта, оказывается также миром притяжения, повторных встреч, возбуждения-восторженности. Морин пишет: чем более мы можем и желаем испытывать счастье, тем более приближаемся к несчастью. Речь идёт об игре, в которой каждый эпизод заключает в себе противоположные исходы. Игрок готов рисковать и ждать результата. Рикарду Рейш — плохой игрок. В его игре нет риска, он не позволяет себе рисковать, потому что заранее уверен, что выиграть невозможно. Боль предчувствуемой потери ведёт поэта к философии отречения, в которой тот, кто ничего не имеет, ничего и не теряет, более того, он, полностью овладевший собственной природой, становится подобен богам:

Всё имеет мудрец, мало желающий,  
Волен, кто не желал; всё отвергающий —  
Равный богам человек.



Чтобы несколько утишить ужас этого одиночества, поэт обращается к Лидии, Неере и Хлое, пришедшим к нему из поэзии Горация. Однако алтарь этим музам он воздвигает «в отдалении». По словам Эдуарду Лоуренсу, «в поэзии самого Пессоа ни женщина, ни Бог не расцениваются как объекты желания, поскольку страх перед первой и недоступность второго были, так сказать, отрицательными полюсами его лиризма, чей единственный пульс и единственный объект — полное отсутствие какой-либо реальности. Настоящие связи, настоящая связь, зовущаяся любовью, разрушали в корне ту правду-миф о возможности мыслящего сознания только как одиночества, которое и было центром мироощущения Пессоа. Поэтому, по мере того как Бог и Женщина появлялись на горизонте Пессоа, мы не могли бы ожидать ничего другого, как только увидеть их в его творчестве воспроизведёнными в уменьшенном виде, простыми символами нереального (воображаемого)».

В творчестве Рейша эта не-любовь, невозможность установить отношения с Другим проявляется особенно ярко, так что становится ясно, каким образом это чувство «не существует». Как считают португальские критики Луиш Родригеш Камаргу и Мария Наталия Феррейра Гомеш Тимотеу, достаточно проследить за отношениями, которые поэт устанавливает со своими музами: они совершенно нетипичны и базируются больше на отрицании, чем на истинной привязанности.

Хлоя, похоже, самая молодая из муз. Некоторые португальские литературоведы считают, что этот образ навеян отношениями Пессоа с Офелией Кейрош (другие полагают, что образ Офелии отражён в Лидии). Хлоя самой своей молодостью пробуждает в Рейше ощущение бездны: он видит юное личико и предчувствует, что скоро оно прекратит существование. Именно к Хлое обращены фразы, близкие к эротическим и чувственным. Лишь с ней поэт разрешает себе касания, поцелуи, ласки. Но и в этих отношениях слишком чувствуется скоротечность жизни, самые яркие моменты — это прелюдия конца, каждый поцелуй ощущается как прощальный.

Хлое посвящены оды «Пусть поцелуй наш каждый...», «Краток жизни срок, даже самой длинной...», «За листом тотчас лист не падает...». Но, несмотря на пламенные слова последнего стихотворе-

ния (кстати, совершенно не характерные для поэта), Рейш избегает сильных чувств, ведь любить — значит подчиняться, отдаваться на волю другого, любовь может ранить. И вот за пять лет до смерти (1 ноября 1930 года) Пессоа/Рейш так обращается к Хлое:

Не надо мне, Хлоя, твоей любви,  
Она ждёт ответной. Мила мне свобода.  
Надежда — обязанность чувства.

Если Хлоя — муза чувственного наслаждения, то Неера — спутница прогулок поэта среди полей. «Португальский Гораций» заранее оплакивает всё живое, которому суждена могила. Даже взгляд на природу наводит его на мысль о том, что человеку назначено слиться с ней после смерти. Свои наблюдения и размышления Рейш разделяет с Неерой, которую называет *flava* — «белокурая» или «золотоволосая». Даже спокойствие и иллюзия свободы, возникающие на лоне природы (в отличие от городов), не помогают Рейшу забыть о беге времени и о том, что всё проходит, не избавляют от «холода тени». И всё же природа освобождает его от присутствия других, от навязанных отношений с ними, от угнетения со стороны города с его движением, напряжённой жизнью. Эта иллюзия свободы была бы полной, если бы можно было не думать о ней как об иллюзии. Особенно характерны обращённые к Неере оды «Ах, смотрю я, Неера...», «Горы блистают на солнце снегом...», «Неера, губы струями омой ты...» и «Здесь, Неера, далёко...».

Наиболее значительны отношения Рейша с Лидией. Их можно назвать духовными, отвечающими идеалу эпикурейца. Но, в противоположность «удовольствию покоя» или «удовольствию от отсутствия боли» учеников Эпикура, Рейш предлагает умение любить умозрительно, не обмениваясь даже краткими ласками и поцелуями. Лидия сидит с поэтом возле реки, наблюдая вместе с ним за бегущей водой — символом уходящего времени. Ей поверяет Рейш свою сокровенную тоску. Рейш и Лидия перед рекой Времени — супруги, так и не вступившие в брак по решению поэта. Рейш — враг времени, для него существует только настоящее, а прошлого и будущего нет. Этим страхом перед временем, перед переменами он делится с Лидией. И страх ведёт поэта к пол-

ному отказу от чувств. Чем больше радости ты осмелишься получить от жизни сейчас, тем больше тебе будет потом — вот убеждение Рейша. Так любовь становится третьей фигурой, изолированной от двоих любящих, чувством-видимостью, иллюзией. Она ведёт к предельному одиночеству. Лидия — только предлог для разговора о любви. Речь Рейша о любви — это риторика, без малейшего намерения реальных отношений. То, что поэт любит, — это сама любовь, чувство к себе самому, но не к другим.

Наиболее характерное и самое известное стихотворение, обращённое к Лидии, — написанное гекзаметром «Лидия, ты приходи посидеть у реки неширокой». Можно назвать и другие интересные оды: «Каждой вещи срок отпускает время...», «Оставим знанье, Лидия, может ли...». А вот эта посвящённая Лидии ода определённно навеяна встречами Пессоа с Офелией Кейрош, в ней одной из немногих чувствуется тепло настоящей человеческой привязанности:

Так люблю тебя, что сказать не в силах,  
Коль начну я речь, о лугах мой лепет,  
И настойчиво вторит мне  
Речь любви невидимой.

А эта ода датирована 1932-м — за три года до смерти Пессоа:

Что мы знаем, Лидия? Мы чужеземцы,  
Где б мы ни жили. Всё нам чужое,  
Язык у всего чужой.  
Из себя самих убежище создадим,  
Робкие, там спрячемся от обиды,  
От суматохи мира.  
Разве хочет любовь принадлежать другим?  
Как секрет, рассказанный во время мистерий,  
Священная, только наша.

Как известно, Рикарду Рейш стал героем романа Жозе Сарамаго. Но многие литературные критики убеждены: Сарамаго написал портрет не Рейша, а свой собственный. Лидия из романа совершенно не похожа на музу од Рейша, это живая женщина, полная чувственной земной силы, отношения с ней невозможны для автора

строк: «Не целовались с тобой, не сплетали мы рук в жаркой ласке, /  
Были мы только детьми».

Ещё одна муза Рейша из романа Сарاماго – Марсенда. Её роль в романе довольно велика, само её имя связывается с процессом увядания, безжизненностью, что символизирует и её парализованная рука. Это не реальная женщина, но призрак, фантазмагория, нежизненная, но очень поэтичная, неповторимая в своей оригинальности. Была ли она настоящей музой Рейша или это продукт воображения Жозе Сарاماго? Трудно сказать, ведь это имя встречается у Рейша только однажды – видимо, само его мистическое звучание разбудило фантазию Сарاماго.

Срываю розу: на груди хранящейся,  
Марсенда, легче свежесть ей утрачивать,  
Чем под вихрями времени  
В круговращенье Земли.

Характерно, что музы Рейша не проявляют ни малейшей активности, не выражают ни малейшего собственного мнения. Это и понятно, ведь они – только символы, иллюзия, вдохновляющая поэта. Холодная связь Рейша с музами, бесконечные слова – «поэзия не-любви», по определению Эдуарду Лоуренсу. В музах Рейш ищет утешения, женственности, всего того, чем его создатель Фернандо Пессоа был обделён в жизни (хотя и по собственной воле); и поэт понимает с глубокой непроходящей болью, что они нереальны:

В огромном просторе, где нет ничего из того,  
Чем притворяется ночь, еле светят звёзды,  
К счастью, нет луны.  
Думаю обо всём, Лидия, и какой-то  
Потусторонний холод входит в мою  
Душу. Ты не существуешь.

Пессоа доверил Рейшу попытку модернизации греческого и латинского пантеона богов как ключ к творческому проекту трансцендентального язычества – эстетической религии сенсационизма. Всерьёз или нет пытался португальский мыслитель возродить

язычество, противопоставить его христианству, которое он критиковал в первую очередь за неумение вобрать в себя богатую многоликость язычества? Трудно сказать, возможно, это такой же миф, как и легенда о возвращении короля Себастьяна, о Пятой империи — империи поэтов; такая же попытка возродить в мифе творческий дух нации. По мнению Ричарда Зенита, язычество Рейша служит прежде всего средством «освящения жизни» — Рейш отличается от других гетеронимов глубокой религиозностью: если Алберту Каэйру преклоняется только перед чистой объективностью вещей, то Рейш учитывает и такую же объективность, реальность потребностей нашей природы, одна из которых — религиозное чувство.

«Язычество Рейша облекается плотью его поэзии, почитающей всё, что он встречает вокруг себя и в себе самом. Ритм его од подобен ритуалу, обряду, подобен пульсирующей в артериях крови. Каждый раз, как он слагает оду, он чувствует, что существует, не нанося ущерба ничему и никому и не оскорбляя своё собственное внутреннее бесконечное разнообразие», — отмечает Зенит.

«Быть свободным — не значит не иметь дисциплины, но — не нуждаться в дисциплине, обладать ритмом, быть высшим», — писал Пессоа в тексте под названием «Свобода». Он говорил о «внутренней аристократичности», которая состоит в «природной гармонии души». Рикарду Рейш в одной из дискуссий с Алвару де Кампушем утверждал, что дисциплина ритма, усваиваясь, становится частью души поэта. Зенит считает, что из всех гетеронимов (включая самого их творца) именно Рейш обладает наибольшей свободой. И сама гетеронимия, уверен исследователь, была нужна Пессоа для обретения свободы: «Если гетеронимия что-то означает, а я считаю, что она означает очень многое, она является освобождением от единственного направления мышления, от единственного стиля, от единственного способа существования и даже от обязанности быть кем-то (одним)».

Мне представляется, что язычество Рейша тесно связано с увлечением Пессоа оккультными науками. Общеизвестно, что он всю жизнь искал альтернативу официальной христианской религии, хотя хорошо сознавал безнадёжность этих поисков. Интерес поэта к секретным сообществам, эзотерическим движениям и оккульт-

ной истории постоянно развивался, а работы, посвящённые этим вопросам, представляют собой важную часть его литературного наследия. Но до сих пор они удостоились лишь косвенного внимания исследователей.

Кажется, больше всего Пессоа интересовали теософия и розенкрейцерство. Он переводил Блаватскую (пятый том «Эзотерической и теософской коллекции», который вышел на португальском под названием «Голос безмолвия»), Чарльза Лидбитера, Анни Безант и Мэйбл Коллинз. Многие мысли, выраженные как в собственных стихах и прозе Пессоа, так и в стихах гетеронимов, свидетельствуют о том, что ему были близки теософские положения, в том числе и о коллективном Творце Вселенной, которому план даётся мыслеосновой Космоса, а строительный труд выполняет Множество Разумных Сил\*.

Не были ли боги Рикарду Рейша этими самыми Силами, согласно герметическим философам – Гениями и Демонами, из которых вторые – духи хранители человеческой расы, по словам Гермеса, пребывающие вблизи бессмертных и оттуда следящие за делами человеческими?

Недаром в одной из первых од Рейш пишет:

Боги, кого низвергли,  
Братья Сатурна, часто  
В сумерках к людям сходят  
Тайно следить за жизнью.

Это ода особенно восхитила Мариу де Са-Карнейру. В ней людям напоминают, что боги-олимпийцы свергли поколение предыдущих богов – титанов, среди которых был и Сатурн, и древний бог Солнца Гиперион. Это о них говорит Пессоа как о древних силах:

Эти руины силы  
Древней хотят заставить  
Верить, что мир обширней  
Видимых нам реалий.

---

\* См.: Е. Блаватская. Тайная доктрина. Т. 1, кн. 1. М., 1993.

Язычество Рейша, по словам Зенита, «представляло собой большое открытие в духовном плане». Оно шире и глубже язычества древних греков и римлян, потому что принимает в себя богов всех эр и эпох, и тех, кто был до олимпийцев, и Бога христиан, о котором Рейш написал в тот же первый день своего существования:

Не заменит всех прочих  
Грустный бог христианский,  
Он один из бессмертных,  
Тот, кого не хватало.

Язычество Рейша, открытое самым разным традициям и верованиям, всем эпохам истории человечества, отражает в религиозном плане свободу, которую Пессоа искал для себя на онтологическом уровне. Свободу, которую он нашёл в гетеронимии, которую воплощает сам принцип гетеронимии: возможность быть всем и ничем, чем-то неопределённым, находящимся в постоянном движении, в постоянной трансформации своего отождествления. Рикарду Рейш пошёл дальше Алберту Каэйру: если Каэйру остаётся с природой, непосредственной, чистой, объективной, то Рейш вмещает в себя понимание мира более глубокого, чем видимые реальности, мира богов, оккультных сил и мистерий.

Наиболее продуктивным для Рейша стал 1914 год — написаны 28 од, к ним можно добавить десять набросков-черновиков. В следующие годы продуктивность поэта падает, но вновь возрастает в 1923-м: 18 текстов. Это время, когда Пессоа собирался основать журнал, который должен был стать для Рейша первыми большими подмостками. Новое воодушевление произошло между 1927 и 1933 годами — около 70 стихотворений, время сотрудничества с журналом Coimbra. Но последние оды Рейша становятся короче, редко превышая 12 строк, в них всё реже появляются боги, а некоторые стихотворения напоминают по стилю скорее самого Пессоа-ортонома. Так, в оде «В нас живут мириады...» говорится уже не о богах, но о бесчисленных существах, которых поэт заставляет замолчать, потому что стремится уверить себя, что пишет сам,

не под их диктовку, — и так делает сам акт творчества способом своего освобождения:

Сталкиваются в том, в ком я живу,  
Противоположные импульсы,  
Спорят. Я их не знаю.  
Тому, кого знаю я,  
Они не диктуют: это я пишу.

Первым издателем од Рейша в Португалии был Луиш де Монталвор (1946). Как в этом, так и в последующих критических изданиях Силвы Белкиора (1988) и Луиша Фагундеша Дуарте (1994) было довольно много погрешностей вследствие неверного прочтения оригиналов. Поисковая работа с архивом Пессоа продолжается и сейчас, а в случае с Рейшем осложняется тем, что сам автор во многих случаях не выбрал единственного варианта того или иного слова или строки (сверху или на полях написан другой вариант, но прежний не зачёркнут). Это, разумеется, затрудняет работу издателей. Нет ни одного сборника стихов Рикарду Рейша, который можно было бы назвать полным собранием его стихотворений, — в частности и потому, что исследователи до сих пор обнаруживают в колоссальном архиве Пессоа всё новые произведения.

В России Рикарду Рейш (под именем Рикардо Рейса) долгое время был известен по двум книгам избранных стихов Пессоа и его главных гетеронимов (1978 и 1988). В общей сложности в них вошли 32 стихотворения Рейша в переводе Леонида Цывьяна.

Здесь следует отметить, что переводчик довольно свободно перелажал оды Рейша, без чёткого соблюдения ритма оригинала. Между тем Пессоа прямо утверждает: первое, что следует сохранить при переводе стихов, — это ритм, ведь именно метрическая система стиха доносит до читателя эмоциональный заряд произведения.

Предлагаемая вниманию читателя книга — первое самостоятельное собрание стихотворений Рикарду Рейша на русском языке. Перевод сделан главным образом на основе издания, подготовлен-



ного Мануэлой Паррейрой да Силва\*. Первый раздел этой книги составили двадцать од, опубликованных при жизни Пессоа, во вторую включены в хронологическом порядке все стихотворения из архива Пессоа, которые составительница считает принадлежащими Рейшу. Все они увидели свет после смерти автора. Кроме того, в португальском издании даются фрагменты од, стихи, принадлежность которых проблематична (их можно атрибутировать как Рейшу, так и самому Пессоа), а также варианты од из основного корпуса. Из них в нашу книгу включены варианты двух од, в том числе самой первой, «Остаюсь на века я, созерцающий...», и это позволяет проследить процесс работы поэта над своими произведениями.

Я уже упоминала о многочисленных исправлениях и дополнениях в рукописях Рейша из архива Пессоа. По большей части это черновики, работу над которыми автор так и не завершил. Не всё поддаётся однозначной расшифровке, есть сомнительные места. Отсюда много разночтений, в некоторых одах встречаются повторяющиеся строки, слышны также отголоски стихов из «Послания» самого Пессоа. Мануэла Паррейра да Силва выбрала варианты, представляющиеся ей наиболее достоверными. Переводчик в основном разделял выбор португальского составителя, но в некоторых случаях предпочтение отдавалось другому варианту — из виртуального архива Фернандо Пессоа / Рикарду Рейша.

Автор вступления и переводчик стихов выражает глубокую благодарность своему научному консультанту — доктору социологии Педру Серрану, без чьих квалифицированных советов и разъяснений это издание не было бы подготовлено на достаточно высоком уровне.

*Ирина Фещенко-Скворцова*

---

\* Ricardo Reis. Poesia. Edição de Manuela Parreira da Silva, 2ª edição. Lisboa, 2007.

Первая книга од



# I

Остаюсь на века я, созерцающий,  
На колонне стихов своих.  
Что бояться веков хора шумливого,  
Что бояться забвения,  
Если разум в себе зрит отражение —  
Мира внешнего отблески,  
Вот искусства исток: плазма творящая,  
Мир — не разум наш немощный.  
Гравировет себя в меди мгновение —  
Жизнь свою в бесконечности.

29-1-1921

## II

Розы нежных садов, розы Адониса,  
Эфемерный их цвет, Лидия, дорог мне.  
    Розы, коим почить дано  
    В тот же день, как рождаются.  
Вечен свет для цветка, ночи не ведает,  
Ведь, при солнце рождён, никнет к земле он  
    Прежде, чем Аполлонов путь  
    В небе синем закончится.  
Если б жизнь нашу днём сделать нам, Лидия,  
Лишь одним, чтоб не знать ночи дыхания,  
    Своевольно забывшим,  
    Что жизнь — мига короче.

11-7-1914

### III

Штиль на море; ветрам тихо вздыхается  
Под руками Эола;  
Только морщит Нептун всю необъятную  
Гладь концами трезубца;  
Взморье снега белей, полное крохотных  
Бликов солнечных, ясных.  
И себя называть нам ли великими,  
Ничего не узнавшим.  
В мире, чуждом тебе, мнимо величие  
И плодов не приносит.  
Коль на море покой, глубь открывается,  
Но до первой же ряби,  
Глубь моя, где же ты, если штормящее  
Море вторит Сатурну?

6-10-1914

## IV

Нам жить — не боле — боги дозволяют.  
Отвергнем сами то, что возвышает  
    До вершин немислимых,  
    Где цветы не селятся.  
Принять должны мы жребий свой разумно,  
Пока наш пульс ещё стучит-трепещет,  
    Даже не ссыхается  
    В нас любовь, и будем жить,  
Как стёкла, отражая свет вечерний,  
Отдав себя во власть дождям печальным,  
    Вяло мысля, тёплые  
    Под лучами жгучими.

17-7-1914

## V

Пусть поцелуй наш каждый  
Будет нам как прощальный,  
Хлоя, крепко целуй, если любишь.  
Может, уже коснулась  
Нас та рука, что кличет  
В чёлн, всегда приходящий к нам пустым;  
Что воедино свяжет  
Всё: и дела, и мысли,  
Жизней наших итог в этой связке.

17-11-1923



## VI

Есть античный ритм в босоногих плясках,  
Нимф пугливых ритм, повторённый снова;  
    Ног, что под сенью леса  
    Такт отбивают в танце.  
Белоснежный пляж, оживлённый смехом,  
Пусть не даст забыть, что приходит вечер,  
    Дети, беспечность вашу  
    Время умерит скоро.  
Аполлонов свод, голубая арка,  
Тихим утром вновь опояшет землю,  
    Воды прилива хлынут  
    И убегут с отливом.

9-8-1914

## VII

Разум увлечь высотой и слепо  
Вверить своим законам —  
Строгим — стиха плетенье;  
Если идея парит высоко,  
Слово за ней стремится,  
Служит ей ритм покорный.

## VIII

Краток жизни срок, даже самой длинной,  
Юность меркнет вмиг! О послушай, Хлоя,  
    Коль не люблю, не пью я,  
    Коль не захвачен думой,  
Давит час меня и болит во мне он;  
Час, текущий вдаль, мы сдержать не в силах,  
    Слух наполняет шорох,  
    Шум тростника на бреге —  
Том, где лилий блеск над водой холодных,  
Что в Аду растут, а поток, сверкая,  
    Дня не найдёт во мраке,  
    Вечные плачут струи.

24-10-1923

# IX

Розами увенчайте,  
Вы меня увенчайте  
    Воочью.  
Пусть их краски поблѣкнут  
На челе, что увянет  
    Столь рано.  
Увенчайте цветами,  
Листьев зеленью краткой.  
    И будет.

12-6-1914

# Х

Участь лучшая есть в мире для смертного:  
Постижение себя, собственной слабости.

Кто себя не познает,  
Тот стократно ничтожней.

Если нет во мне сил, власти над будущим,  
Парок не умолить, нить обрезающих,

Пусть же боги помогут  
То принять, что случится;

И тогда красотой, солнцем подаренной,  
Жил бы я и в глазах отблеск сиял её,

В неподвижных озёрах,  
Осушаемых смертью.

22-10-1923

# XI

Страшусь судьбы я, Лидия. Скрыто всё...  
Случиться может то, что изменит нас,  
    В каждый момент, неожиданно.  
Порой мы сами странно ведём себя;  
Мешают боги: грани привычного  
    Разуму не осилить.  
Мы слепы, надо быть осторожнее  
И жизнь ценить, что паркой отмерена,  
    Более той, за гранью.

## XII

Цветение твоё — не то, что даришь,  
Я не просил о том, в чём ты откажешь.

Да, отказывать время  
После прежних даяний.

Цветок, ты для меня цветок! И если,  
Скупой, тебя раздавит лапа сфинкса,  
Тень, искать будешь вечно,  
Что отдать не успеешь.

21-10-1923

## XIII

Ах, смотрю я, Неера,  
Поле вижу без края;  
Входит хлад в меня смертный,  
Тени хлад, что безглаза.  
Череп вижу, и кто мне  
Скажет, буду ли помнить,  
Буду ль чувствовать что-то  
Или чувства угаснут?  
И не столь я о жизни  
Плачу, сколь о грядущем,  
Том, где вычеркнут буду  
Из потока живого.

25-12-1923



# XIV

*Ad Caeciri manes magistri*

Лето приносит цветы, что снова  
Кажутся новыми нам, и манит  
Зелень листьев воскресших,  
Зелень древняя листьев.  
Но не вернёт нам его немая  
Бездна, трясина, что нас глотает,  
В мир живых не воротит  
К свету ясному солнца.  
Нет, не вернёт, и к нему напрасно  
Будет потомство взывать сквозь годы,  
Девять прочных запоров  
Стикс закроет за мёртвым.  
Чутко внимавший певцам с Олимпа,  
Слушая, слышал он их, и, слыша —  
Слыша, их понимал он,  
Он — в ничто обратился.  
Вы, что венки плетёте достойным,  
Не увенчали его при жизни,  
Значит, дар погребальный  
Вам вручить остаётся.  
Комья земли отряхни свободно,  
Слава, хоть ты; и гордись им, город,  
Тот, Улиссом воздвигнут,  
Семь холмов увенчавший.  
Как не смолкает тот спор старинный  
Из-за Гомера; Алкей, твой Лесбос,  
Фивы, Пиндара мать,  
Чтят и помнят поэтов.

20-10-1923

## XV

Ты, что пашешь скудную землю или  
Станешь — взглядом поле своё окинуть,  
Точно сына; ты, что живёшь счастливый  
Жизнью своей без мысли.  
Не привносит в жизнь перемены малой  
То орало, грузный пласт подрезая.  
Долей только рок управляет властно,  
Судьбы вершит народов.  
Точно травы, те, что сохой срезаешь,  
Так живёшь ты жизнью простой и древней.  
И, трудами весь поглощён надёжно,  
Век свой живёшь спокойный.

16-11-1923

## XVI

Твои, а не мои плету гирлянды,  
На лоб свой возлагаю, обновляя,  
    Те, тобой сплетённые,  
    Мне мои невидимы.  
Ведь если нам дано лишь только это —  
Друг друга видеть, — пусть тогда мы, видя,  
    Учимся, прилежные,  
    Таинствам безмолвия.  
Так будем же венчать щедрей друг друга,  
Приняв судьбу, пока он не настанет,  
    Час непредсказуемый  
    Лодочника вечного.

17-11-1923

## XVII

Зря ты веришь, Лидия, снам обманным,  
Их посулам будущего успеха.  
Ты сегодня — жизнь. Всё верши сегодня,  
Ждать неразумно.  
Разве знаешь, будущей будешь, нет ли?  
Может, кубок, что осушаешь нынче,  
От него же, полного новой влагой,  
Пропасть отделит?

## XVIII

При виде лета цвет его оплакивать  
Хочу, тоскуя над воспоминанием,  
    Призрачно обернувшимся  
    Часом последних утрат.  
Скользят порталы – годы безвозвратные,  
За ними вижу тень гремящей пропасти,  
    Нет в ней цветов трепещущих,  
    Нет ароматов земных.  
Срываю розу: на груди хранящейся,  
Марсенда, легче свежесть ей утрачивать,  
    Чем под вихрями времени  
    В круговращенье Земли.

## XIX

Надо сдерживать радость,  
Ведь извечно судьба мстит вырывающим  
Силой счастье желанное.  
Пусть плоды, что в садах зреют-качаются,  
Будут нами украдены.  
Не разбудим ли мы дерзко эринию,  
Радости стерегущую?  
Проходя, как ручей, путь кратковременный,  
Наслаждайся украдкой.  
Лидия, помолчим. Боги завидуют.

3-11-1923

## XX

Ты думаешь, что верно исполняешь  
Судьбу, и дни идут в трудах бесплодных,  
Ноша тяжка на плечах,  
Нет заблуждений в душе.  
Твои дрова — твой груз, который тащишь  
Туда, где нет огня, где не согреться,  
Тени от ноши вольны,  
Сбросить нам груз предстоит.  
В чащобе дней о радости радеешь;  
Оставь пример, как жизнь прожить разумно,  
Дни без того коротки,  
Надо ль им тяжкими быть?  
Из малости, что есть, берём лишь крохи,  
Томит нас труд, и золото — не наше.  
Славе — и той мы смешны,  
Мы не увидим её,  
Когда обрежут нить внезапно парки  
И мы пойдём, торжественные тени,  
Дале скользя от живых,  
Где неизбежная ждёт  
Печальная на тёмных водах лодка,  
И стиксов хлад, и влажные объятья  
Жадного лона земли,  
Края, где правит Плутон.

Оды  
и другие  
стихотворения





# 1

*Посвящается Алберту Казёру*

Прав ты, Учитель,  
Кротки часы,  
Те, что теряем,  
Если терять их  
Так, словно в вазу  
Ставить цветы.

Нет ни печали,  
Ни оживленья  
В жизни спокойной.  
Так постигаем  
Неосторожно  
Мудрость не жить;

Жизнь пусть проходит,  
Мы безмятежны,  
Учителями  
Будут нам дети,  
Будут Природой  
Полные взоры...

Берегом речки,  
Краем дороги  
Детские игры,  
Вечно всё те же,  
Отдых приносят,  
Отдых от жизни.

Время уходит,  
Нас и не спросит.  
Быстро стареем.

Копится горечь,  
Будем учиться  
Вянуть безгневно.

Тщетно пытаться,  
Делать усилья.  
Нет, не спасёмся.  
Бог кровожадный  
Единокровных  
Губит потомков.

Цвет обрывая,  
Первый, весенний,  
Руки омоем  
В реках спокойных,  
Чтоб научиться  
Тиши их мудрой.

Точно подсолнух,  
Следуя солнцу,  
Надо уйти нам  
Кротко, спокойно,  
Без угрызений  
Жизнь покидая.

*12-6-1914*

## 2

Пан великий не умер.  
Там, где пашня нагие  
Груди кажет Цереры  
Очесам Аполлона, —  
Рано ль, поздно увидишь  
Пана, поля владыку  
И бессмертного бога.

Не заменит всех прочих  
Грустный бог христианский,  
Он — один из бессмертных,  
Тот, кого не хватало.

Пан дарует, как прежде,  
Звуки флейты волшебной.  
К ним с улыбкой Церера  
Слух приклонит, внимая.

Боги — те же, что были,  
Ясны, ровны, спокойны,  
Вечность дышит во взорах,  
К нам же полны презренья.  
С ночью день чередуют,  
Золотят урожаи  
Не затем, чтоб дарить нам  
День и ночь и пшеницу:  
Их божественных целей  
Знать не велено смертным.

12-6-1914

### 3

Боги, кого низвергли,  
Братья Сатурна, часто  
В сумерках к людям сходят  
Тайно следить за жизнью.

Это они рождают  
Совести муки злые  
И ностальгию с ними  
В душах людских послушных.  
После изгнания боги  
Словно прозрачней стали,  
Видно, инертной тканью  
Созданы их обличья.

Тайно приходят боги,  
В нас пробуждая боли,  
Будят они усталость  
И вырывают грубо,  
Словно из рук нетрезвых,  
Кубок, весельем полный.

Эти руины силы  
Древней хотят заставить  
Верить, что мир обширней  
Видимых нам реалий.  
Значит, хотят, чтоб нами  
Был оскорблён Юпитер  
И Аполлон могучий.

Вот, опускаясь низко,  
До горизонта кромки,

Гиперион в потёмках  
О колеснице плачет,  
Что Аполлон похитил.

Болью закат окрашен,  
Дальнего бога болью,  
Слышится нам рыданье  
Далее сфер небесных...

Это рыдают боги.

*12-6-1914*

## 4

Повозка скрылась Аполлона  
С небес вечерних. Пыль, поднявшись,  
Туманом лёгким воздух полнит  
До горизонта.

Свой лад высокий флейта Пана  
В неспешном воздухе снижает,  
И нежный день от звука флейты  
Гаснет, печальный.

И ты, цветок раскрытый, пылкий,  
Полольщица лугов горячих,  
Головку светлую склоняешь,  
Медлишь, внимая

Тем звукам, бризом ввысь несомым,  
И знаю: о богине светлой  
Ты мыслишь, той, что выплывает  
Из океана.

И волны входят, тело полня,  
Становится безумным лоно,  
Пока смеётся-плачет флейта,  
Ты же внимаешь.

*12-6-1914*

Лидия, ты приходи посидеть у реки неширокой.  
 Будем спокойно следить за теченьем её, понимая,  
 Так же проходит и жизнь, ну а за руки мы не держались.  
 (Лидия, руку мне дай.)

Взрослые дети, теперь наступает мгновенье подумать:  
 Жизнь ничего не вернёт и сама никогда не вернётся,  
 В дальний течёт океан, что Судьбы омывает утёсы  
 Там, где обитель богов.

Руки разнимем с тобой, докучать нам не стоит друг другу,  
 Счастливы мы или нет, мы проходим, как реки проходят,  
 Лучше в молчанье идти, в тишине научиться терпенью  
 И беспокойства не знать.

Лучше любви не знать, ни страстей, поднимающих голос,  
 Зависти, застящей взгляд, ни заботы, тревожащей ночью,  
 Если имела бы их, то стремилась без усталости к морю,  
 Вечно текла бы река.

Будем друг друга любить, но спокойно, и думать отрадно,  
 Что, коль хотели бы мы, обменяться могли б поцелуем,  
 Ласками грели сердца; только лучше нам, рядом сидящим,  
 Слушать скольжение воды.

Станем цветы обрывать, ты возьми, на груди приколи их,  
 Пусть аромат умягчит мимолётную эту минуту,  
 Эту минуту, когда, декадентства невинные дети,  
 Грустно, без веры живём.

Если я раньше уйду, хорошо, что ты сможешь спокойно  
 Вспомнить без боли меня, без тоски и волнений печальных:  
 Не целовались с тобой, не сплетали мы рук в жаркой ласке,  
 Были мы только детьми.

Если же раньше меня свой обол понесёшь ты Харону,  
 Не обречён я страдать, о язычнице грустной припомнив,  
 Будешь ты, нежная, мне вспоминаться с букетом душистым  
 Возле спокойной реки.

12-6-1914



## 6

Будем гулять, Неера,  
День этот мы запомним...  
После придёт к нам старость,  
Так, что и боги даже  
Цвет не вернут на лица,  
Молодость не пробудят.

Мы у камина вспомним,  
Полные сожалений  
Об уходящей жизни,  
Вспомним тогда, Неера,  
Точно о давней были,  
День, когда не любили...

*12-6-1914*

# 7

Горы блистают на солнце снегом,  
Холод спокойный скорее нежен,  
Он полирует жала,  
Острые копыя солнца.

Прятаться нам ни к чему, Неера,  
Нам ли желать, коль ничто — мы сами?  
Просто сидим на солнце  
И ощущаем холод.

Мы насладимся и этим мигом,  
Радость торжественна, чуть печальна,  
Ждать будем смерти, будто  
Всё нам о ней известно.

*16-6-1914*

## 8

Лишь видеть часто цветы в аллеях  
Просторных парков, прохлады полных,  
Хватит, чтоб показалась  
Лёгкой жизнь и прозрачной.

Любых усилий избегнуть лучше  
Рукам спокойным, иначе схватят,  
Силой поволокут нас.  
Так и жить надлежит нам.

Бежать от боли и наслажденья,  
Глотать неспешно мгновений свежих  
Светлую и сквозную  
Воду в чашах узорных.

От жизни бледной беря всего лишь  
Улыбки смутность и краткость розы,  
Ласки эти скупые  
Мигам непостоянных.

Как мало будет остаток весить,  
Какой от нашей прошедшей жизни,  
Лучшее выбирая,  
В памяти сохраним,

Когда все нити обрежут Парки,  
Когда уже мы — не люди, тени —  
Побредём против воли  
На последнюю встречу

К реке угрюмой, к ладье печальной,  
Где ждут нас девять объятий Стикса  
И Плутоново чрево,  
Что всегда ненасытно.

16-6-1914

## 9

Бедные мы, ведь теряем всё мы  
Ясное, сильное, что имели,  
Только лишь так  
Жить человеку дано на свете...  
Бедные мы,  
Дети-сиротки, едва лишь помним  
Мать и отца  
И одиноко идём, слепые,  
Ласки не зная.  
Нет нам ответа —  
Долго ль, куда через лес брести нам  
Или откуда пришли сюда мы...  
Грустные, старые, да, мы дети,  
Слабые дети...  
Кто нам поможет?...

16-6-1914

# 10

Диана сквозь ветви смотрит,  
Ждёт прихода Эндимиона.  
Не придёт Эндимион,  
Эндимион, Эндимион,  
Там, далеко он в лесу...

И голос её зовущий  
Пролетает сквозь ветви леса,  
Тихий сквозь ветви несётся:  
Эндимион, Эндимион...

Так плачут боги...

*16-6-1914*

# 11

Бледность дня слегка позлатить тшчатся лучи, блистая,  
Солнцем зимним, словно росой, искрятся на изгибах  
Ветви куста сухие.

Дрожь пробирает, зябко.

Изгнан родиной золотой веры моей старинной,  
Я утешен думой моей, что лишь к богам стремится,  
Грею себя, дрожащий,  
Солнцем иным, не этим —

Что светило на Парфенон, рвущийся ввысь Акрополь,  
Освещало медленный шаг, речью перемежаем:

Вслух Аристотель мыслил.

Но Эпикур мне ближе,

Голос, ласковый и земной, слаще звучит для слуха,  
Он теперь как равный богам с ними ведёт беседу,  
Жизнь созерцая мирно  
Из беспредельной дали.

19-6-1914

# 12

Пустыми пусть пребудут руки,  
Душа пусть ничего не помнит,

И даже пусть, когда положат  
Тебе в ладонь обол последний,

Из этих вновь разжатых пальцев  
Ничто не упадёт на землю.

Какого ты возжадешь трона,  
Что Атропос не отняла бы?

Какие лавры не увянут  
Пред строгим Миносом-судьёю?

Часы какие облик прежний  
Твоей вернут печальной тени?

Кем станешь ты в конце дороги,  
В ночи глухой, в долине смерти?

Ты рви цветы, но отпускай их  
Из рук, как только нагладишься.

Дыши лишь солнцем. Отрекайся  
И властвуй гордо над собою.

*19-6-1914*



# 13

Тот лишь мудрец, кто всегда зрелищем мира доволен,  
Не вспоминает, пия, он  
Выпитых ранее кубков,  
Блещет вся жизнь для него  
Новью, что век не увянет.

Розами или лозой вы увенчайте его,  
Знает он: жизнь утекает,  
Вянет цветок, чуть раскрывшись,  
Так и ему не удастся  
Атропос ножниц избегнуть.

Он маскирует печаль цветом вина благородным,  
Привкусом оргий античных,  
Времени бег он смягчает,  
Так приближенье вакханок  
Глушит рыдающий голос.

Всем он доволен и ждёт, пьяница тихий, спокойный,  
Дремлет, почти без желаний,  
Робко желая всего лишь,  
Чтобы волной ненавистной,  
Не был он смыт слишком рано.

19-6-1914

Неера, губы струями омой ты  
 Тихого источника.  
 Тогда горячка, боль уймется сразу,  
 Те, что в жизнь вносила ты.  
 Ты ощутишь спокойную природу  
 Светлых вод, узнаешь ты:  
 Не беспокоят ни тоска, ни скорби  
 Резвых нимф источников,  
 И вздохи их — лишь звук струи весёлый,  
 Шум воды естественный.

Неера, знай же, что причины скорби  
 Не в вещах естественных,  
 Родятся в душах наших, в общей жизни,  
 В злых оковах общества.  
 Учись, о юная, науке сложной  
 Радостей классических,  
 Чтоб тихо жить, печаль не выражая,  
 Только вздохом изредка.  
 Источник бледный, воду проливаешь  
 Гордой красоты твоей  
 Поверх доверья рук несмелых наших,  
 Что боятся радости,  
 Сомнением от века загрязнённой,  
 Знанием отравленной  
 Мнемоники суровой и фатальной  
 Вотчины Плутоновой.  
 Цветы, улыбки, песни освещают  
 Нашу долю смертную,  
 Чтоб скрыть ночную глубь раздумий наших,  
 Что склонились горестно,

Ещё при жизни гнёт Плутона чуж,  
И в надежде мертвенной  
Сознание храня о возвращенье  
Хаоса предвечного.

*11-7-1914*

Скоро седая зима укроет  
Наготу полей.  
Станет отечеством нам очаг,  
И рассказы наши,  
Что прозвучат у огня в то время,  
Будут точно песни,  
В них в старину на траве зелёной  
Обращали к солнцу  
Грустно и радостно мы свою  
Ave atque vale.  
Осень пока пребывает с нами.  
Мы, смягчая горечь,  
Память о лете сравним с надеждой,  
Той, цветущей в зиму,  
И меж даров, что вручит нам память,  
Побежим рекою.

17-7-1914

# 16

Каждой вещи срок отпускает время,  
Не цветут зимой дерева и травы,  
Поле весной не знает  
Белого одеянья.

Ночь спокойна, Лидия, нет в ней жара,  
Что несёт нам день в лихорадке вечной,  
Ночью любить нам легче  
Смутную нашу жизнь.

Мы к огню свою принесли усталость,  
Ибо этот час для неё назначен,  
В полный не будем голос  
Тайны покров тревожить.

Пусть прерывны тёмные будут речи,  
Тихий свет случайных воспоминаний.  
(Большого не позволит  
Чёрный уход светила.)

Пусть помалу вспомнится нам бывшее;  
Прошлых лет рассказы звучат вторично,  
Нас воскрешая давних;  
Слушаем их и видим

Те цветы, что в детстве прошедшем рвали,  
Прежним взглядом, взглядом иным на вещи,  
Мир обновляя чудно  
Детским сознанием нашим.

У огня, о Лидия, где нам светит  
Дом богов, их вечный очаг на небе,  
Будем мы беспокойство  
Прошлым латать усердно.

Только мысль о том, что уже мы были,  
А снаружи — ночь сторожит всего лишь,  
Тёмная ночь Цереры, —  
Отдых даёт нам в жизни.

30-7-1914

# 17

Из нашего подобия богам  
    Нам исключить бы надо  
Мечту, что мы — в изгнание божества,  
    Что обладаем жизнью  
По праву изначальному, по праву  
    Древнему, как Юпитер.

Нам, гордым господам самих себя,  
    Существование наше  
Вручили олимпийцы как именье —  
    Дар, чтоб забыть о Лете.

Не стоит удручать себя усилием  
    В бысролетающей жизни,  
Неясной и впадающей притоком  
    В тёмное русло Стикса.

Как есть над божествами Рок спокойный,  
    Твёрдый, неумолимый,  
Давайте создадим и в наших душах  
    Сами свою судьбу мы.

Когда нас принуждают, будем сами  
    Силой, что понуждает,  
Когда же в глубину ночную вступим,  
    Вступим по доброй воле.

30-7-1914

Свободу лишь такую нам жалуют  
Боги: так покоримся  
Их власти сами, собственной волею,  
Лучшего не придумать,  
Свобода ведь в утешной иллюзии  
Только и существует.

Такой же способ боги используют,  
Вечной жизнью гнетомы,  
Чтоб сохранить спокойное, властное  
Древнее убежденье,  
Что жизнь у них вольна и божественна.  
И, богам подражая,  
Как и они, скудны мы свободою;  
Словно строящий замки  
В песках, чтоб этим взгляды насытились,  
Жизнь так нашу построим,  
И нам награду боги придумают:  
Им подобными сделав.

30-7-1914



# 19

Здесь, Неера, далёко  
От людских поселений,  
Где никто не мешает  
Нам в пути и не застыт  
Горизонта дома,  
Будем верить: вольны мы.

Белокурая, знаю,  
Тело — наши оковы,  
До желанного — тщетно  
Нам рукою тянуться;  
Знаю, здесь, как и всюду,  
Плоть ветшает, её нам  
Дали боги на время,  
Только до Преисподней.

Но зато нас не держит  
Здесь ничто, кроме жизни,  
Не касаются руки  
Нас чужие, и шага  
Не услышишь людского  
На тропе одинокой.

Плена не ощущаешь,  
Коль не думать об этом,  
Так не будем же думать,  
Разрешим себе верить,  
Что свободны всецело,  
Ведь иллюзия эта  
Нас равняет с богами.

2-8-1914

Пламя ночной лампы  
Тенью на стенах  
Комнату искажает.

Но даровали боги  
Верящим в них покойно,  
Чтобы не трепетало  
Пламя их жизни,  
Вид нарушая мирный  
Их окруженья.  
Твёрдо в своём мерцанье,  
Как драгоценный камень,  
Камень старинный,  
Будет хранить спокойной  
Вечную красоту.

2-8-1914

# 21

О вы, кто верит во Христа, в Марий,  
Зачем вы замутили мой источник,  
Вы твердите: радостней  
Воды есть и лучшие

Часы там, на лугах, у вод чистейших.  
И об одном вы спросите сурово:  
Разве недостаточно  
Вод и родников мне тех?

Действительность нам эту боги дали,  
И чтоб реальней сделать, дали вечной.  
Что мечты и замыслы,  
Как не дар божественный?

Оставьте мне вещественность мгновений,  
Моих богов, ближайших и спокойных,  
Что не ждут в Неведомом,  
Дом их — реки, пажити.

Позвольте мне язычником остаться,  
Под звук свирелей тонких жить покойно,  
В них тростник на озере  
Пану шепчет исповедь.

Свои мечты себе возьмите, мне же  
Алтарь оставьте мой, мою святыню  
С видимым присутствием  
Блиzkих мне богов моих.

Желающие лучшего, чем жизнь,  
Вы тех оставьте, чья древнее вера  
И Христа страдания,  
И Марии плачущей.

Церера пусть меня в полях утешит  
И Аполлон, Уран, сама Венера,  
Гром пусть будет здравицей  
Грозного Юпитера.

9-8-1914

## 22

Из поля, Аполлон, сотворил ты вмиг  
Зелёный край, охваченный золотом,  
И, будто танец нас закружит,  
Жизнь ощущаем остро —

Не бурной, но со сложными ритмами,  
За ними наше чувство последует,  
Как нимфа, вторя всем движениям  
В строгом рисунке танца...

А вечером, как поле окажется  
Империей, захваченной тенью —  
Их легион на марше этом, —  
Пусть этот день забудем,

И пусть у нас останется в памяти  
Тот новый бог с земли, нам открывшейся,  
Он в нас остался от покоя  
Дня, что умчался в вечность.

11-8-1914

Нет Аполлона, кроме Аполлона,  
Без сожалений мы Христа покинем:  
Одного не отыщешь  
Бога среди дуализмов.

И пусть вдали от чувствий христианских  
Невозмутимость красоты античной  
Древнее возвратит нам  
Понимание жизни.

11-8-1914

## 24

Не как юницу, пылкую жену ли,  
Чья прелесть женская нас обжигает,  
Красоту нам следует  
Созерцать бессмертную.

Спокойная вдали сквозит неясно,  
И должно ей спокойно поклоняться,  
Потому и вечная,  
Как и небожители.

Пусть никогда ни радость обладанья,  
Ни страсть, что рыщет, голод утоляя,  
Наших глаз не пачкают,  
На красу дивящихся.

Как те, кто, видя бога, не посмеют  
Любить его сильнее, чем любят бога,  
Перед красотой мы  
Станем богоравными.

Для этого дана она богами,  
Дар чудный смертным, суетно-ничтожным,  
Будем созерцать её  
В истовом забвении.

И будем извлекать её из быта,  
Как тайное присутствие меж нами  
Высших сил и чувство  
Жизни бесконечное.

11-8-1914

# 25

Мрак на землях Цереры,  
Вершины ещё  
Пылают.

Так велик я в сей час,  
Торжественный час,  
Пустой,

Что, как есть свои боги  
У поля, деревьев  
И нив,

Я хотел бы, чтоб жил  
Один из богов  
Во мне.

*17-9-1914*



До нас так было: в этих же дубровах  
Дул ветер, если поднимался ветер,  
Листья тогда шептали  
На языке всё том же.

О, как напрасно наших дней волнение,  
Оно не боле шума производит,  
Чем шелестенье листьев  
Или порывы ветра.

Беспечно лучше жить нам, без усилий:  
Пускай Природа управляет нами,  
Жизни просить не будем  
Большой, чем у деревьев.

Зачем в себе нам прозревать величье,  
Коль ни единый человек не станет  
В нас признавать таланты,  
Нам помогать не будет.

Тремя волнами след мой смоем море,  
На побережье набегая шумно,  
Как же размоют берег  
Времени злые волны?

8-10-1914

Кто над нами парит, боги ли, ангелы,  
Кто мерцает во тьме призраком реющим,  
То чужие присутствия  
Управляют и властвуют.

Так и скот на полях — нашим велением,  
Непонятым ему, он понуждается.  
Скот мы можем откармливать  
И вести на заклание.

Воля наша и ум — руки покорные,  
И за них нас ведут властью неведомой  
По её усмотрению,  
Не куда нам хотелось бы.

*16-10-1914*

Боги стоят над истиной.  
Наша наука — копия,  
Слепок плохой, нечёткий  
Знаний богов о Вселенной.

И о богах не встретить нам  
Знания достоверного,  
Лишь восхищаться должно,  
Словно цветами, ими.

Видим духовным зрением,  
Их, как цветы, отчётливо,  
Ставших другой Природой  
Там, на Олимпе светлом.

*16-10-1914*

Рукоплескать нельзя пред красою,  
 Не должно ей чрезмерно восхищаться.  
 Надо научиться нам  
 Чувствовать божественно.

При виде красоты о смерти помни.  
 Тогда печаль, идущая от мысли,  
 Твой восторг возвышенным  
 И спокойным делает.

Коль Пиндара строка высоким слогом  
 Беспомощный твой взгляд притянет властно,  
 Помни: в этой музыке —  
 Красота ушедшая.

В прекрасном есть всегда изъян какой-то,  
 Чтоб созерцать его нам было грустно,  
 Чтоб и в мыслях не было  
 Бурно аплодировать.

Спокойна красота. И ты спокойно  
 Люби её. Так бог дары приемлет.  
 И нектар вкусишь тогда,  
 Что спокойным дарится.

12-2-1915

Если меня вы  
Тайным решением,  
Боги, лишаете в жизни короткой  
Славы, любви, богатства,

Всё же оставьте  
Мне в утешенье  
Ясное знание о существах  
И обо всех предметах.

Славы не жажду,  
Как и любви.  
Слава — лишь эхо, богатство — металл,  
Бедная тень — любовь.

Только вниманье,  
Что обращаешь  
На уникальность вещей, на их формы, —  
Кров для души надёжный.

Стержень вниманья —  
Мир наш подлунный,  
Любит оно безмятежность Вселенной,  
Жизнь — вот его богатство.

Славой же служит  
Гордая вера  
В то, что доступно ему обладанье  
Формами всех предметов.

Прочее гаснет,  
Смерти боится,  
Страха, страданий не знает одно лишь  
Ясное созерцанье.

Большого в жизни  
И не желай ты,  
Кроме способности зреть беспристрастно  
Мир сей, пока ты видишь.

6-6-1915

Губы вином алеют,  
Розы на белой коже,  
Руки белы нагие,  
Вольно легли на скатерть.

Лидия, вот картина,  
Так бы застыть нам немо,  
Вписанным нерушимо  
В память богов бессмертных.

Это милее жизни,  
Жизни людской, обычной,  
Той, что с дорог вздымает  
Чёрные тучи пыли.

Боги своим примером  
Тем лишь из нас помогут,  
Кто одного желает:  
Плыть по теченью жизни.

29-8-1915

## 32. Игроки в шахматы

Было это, когда давняя Персия  
    В страшной войне пылала.  
Павшим городом шли орды захватчиков,  
    Женщины голосили.  
Двое же игроков партию в шахматы  
    Мирно вели поодаль.

И в древесной тени были прикованы  
    К старой доске их взоры.  
Перед каждым стоял ковш, ожидающий  
    Тех промежутков малых,  
В кои, сделав свой ход, ждёт от противника  
    Действий игрок ответных.  
Ковш с вином утолял влагой прохладною  
    Первый намёк на жажду.

И горели дома, было разграблено  
    Всё до последней нитки,  
И нагие тела жён обесчещенных  
    Брошены пред оградой,  
Дети, что на копья были насажены,  
    Плавали в лужах крови...  
От терзаний людских страшно далёкие,  
    Невдалеке от бойни  
Партию без конца мирно разыгрывать  
    Двое те продолжали.

Крик несли им ветра, если б задуматься,  
    Как не узнать мгновенно  
Вопли женщин в руках грубых насильников,  
    Жалости чуждых вовсе,



Оскверняемых дев стоны, рыдания  
    Недалеко отсюда?  
Но, едва набежав с думой непрошеной,  
    Скорбная тень темнила  
Холод странный чела, лоб их изменчивый,  
    Вскоре спокойно очи  
Устремлялись опять с прежним вниманием  
    К тёмной доске античной.

Право, если король белый в опасности,  
    Что перед этим стоны,  
Плоть и кровь матерей, женщин терзаемых?  
    Если ладья не может  
Королеву прикрыть в миг отступления,  
    Что грабежи, насилья?  
Если твёрдой рукой шах объявляешь ты,  
    Чуя уже победу,  
Разве слышит душа юношей гибнущих  
    Тихие восклицанья?

Если же над стеной грозно появится  
    Дышащий злобой воин,  
Опоясан мечом, весь окровавленный,  
    Спрыгнет он вниз, убийца,  
Перед тем шахматист лишь за мгновение  
    Будет о ходе мыслить,  
Предан древней игре и безразличию,  
    Вечной игре великих.

Пусть падут города, пусть прекращается  
    Жизнь, пусть свобода гибнет,  
В жарком пламени пусть рухнет прадедовских  
    Древних владений слава.  
Но когда игроки прерваны бойнею,  
    Пусть не объявят шаха  
Белому королю, пешкою белую  
    Будет ладья побита.

Братья, мудрость любя, чтоб научиться нам  
По Эпикуру мыслить —  
С ним, а боле с собой в тесном согласи, —  
Пусть нам примером будет  
Повесть об игроках, полных бесстрастия,  
В нашей недолгой жизни.

Пусть не трогают нас вещи серьёзные,  
Звон серебра не манит,  
Все инстинкты падут пред наслаждением,  
Не приносящим пользы:  
Сыгранной в тишине партией шахматной  
В глуби тенистой сада.

Если взвесить итог жизни бессмысленной,  
Так легковесны, право,  
Жизнь сама и любовь, слава и знание,  
Будто бы это было  
Памятью об игре, славно разыгранной,  
Трудной победой нашей  
Над игроком сильнейшим.

Слава грузом для нас тяжким становится,  
Жажда её — болезнью,  
Так серьёзна любовь и утомительна,  
Знание ускользает,  
Жизни убыль в душе болью откликнется...  
Пусть полонят всю душу  
Шахматы, их терять — стоит немногого,  
Это пустяк, по сути.

Ах, под сенью дерев, нас укрывающих,  
Рядом — вино в бокале,  
Преданные труду столь бесполезному,  
Шахматному сраженью,  
Даже если игра — воображение,  
Шахмат нет и партнёра,

Будем же подражать этой истории,  
    Что ни случись снаружи,  
Кто б ни звал нас — война, жизнь или родина,  
    Близко от нас, далёко,  
Пусть напрасно зовут, мы не откликнемся:  
    В тихой тени мечтая,  
Видит каждый из нас партии в шахматы  
    Невозмутимый контур.

1-6-1916

Розы я предпочту, милая, родине,  
И люблю я магнолии  
Больше славы и доблестей.

Не держусь я за жизнь, пусть истощается  
До конца, лишь остался б я  
Сам собою до старости.

Тем, кому всё равно, есть ли в том разница,  
Будь победа, будь проигрыш,  
Коль Авророй румянится

Небосвод по утрам, свежую зеленью  
Лист порадует вёснами  
И уйдёт с листопадами?

Остальное же всё, чем от рождения  
Жизнь людей наполняется,  
Что добавит душе моей?

Ничего, породит лишь равнодушие  
И доверие вялое  
Уходящему времени.

1-6-1916

Те счастливы, кто под деревьев шёпот  
Спят в земле благодатной,  
Ведь на них луна не наслёт болезни,  
Их не мучает солнце.

Пусть Эол вертеп опрокинет вихрей,  
В клочья мир превращая,  
Пусть Нептун кидает горстями в небо  
Взрывы волн бесноватых,

Всё — ничто. Сам пастырь того не знает,  
Проходя на закате  
Там, где тот покоится, кто был тенью,  
Слабой копией бога,

Что могилу топчет того, кто мог бы  
Быть увенчанным славой,  
Если б жизнь всегда оставалась жизнью,  
Вечной быть красотой.

1-6-1916

Следуй своей ты судьбе,  
Мирно цветы поливай,  
Розы свои ты люби.  
Всё остальное — лишь тень,  
Тень от деревьев чужих.

Наша реальность всегда  
Меньше иль больше того,  
Что мы хотели иметь.  
Мы остаёмся одни,  
Вечно подобны себе.

Сладостно жить одному.  
Честь и величье души  
В жизни простой предстают.  
Боль возложи на алтарь,  
Как подношение богам.

Издали жизнь наблюдай.  
Жизнь вопрошать не рискуй.  
Нечего ей нам сказать.  
Знай, что ответ далеко,  
Боги не знают его.

Будь же спокоен, тогда  
Сможешь подделать Олимп  
В сердце покорном твоём.  
Боги остались богами,  
Не размышляя о том.

1-7-1916

Тот счастливец, кому жизнь благосклонная  
 Память о божествах древних пожалует,  
     Как богам, даст увидеть  
 Те земные дела, вещи обычные,  
 Где бессмертная жизнь блещет, как в зеркале.  
 Счастлив он, ведь когда в двери войдёт к нему  
 Данник-час, час конца, пряжей обрезанной  
     Парка жизнь завершит, —  
     Ждёт его наслаждение,  
     В землях Тартара странствие  
     И общенье с богами.

Но ревнитель Христа, кто предпочтение  
 Отдал слепо ему над олимпийцами,  
     Сыновьями Сатурна, —  
 Тот кощунственный дух бродит, оставленный  
 Ждать вотще искупления:  
 Чтобь боги, кого предал забвению,  
 Беспокойную тень вечную вспомнили,  
     Не положит вдова ему  
     В рот обол для Харона,  
     И не бросят прохожие  
     Ком земли на умершего.

11/12-9-1916

Пусть же проходит ветер,  
Не вопрошай его ты.  
Смысл есть один у ветра —  
Ветром быть, что проходит.

Сделал я так, чтоб ныне  
Жертвенный дым священный  
Восходил бы к Олимпу.  
И написал эти строки,  
Чтобы вернулись боги.

*12-9-1916*



Нет, неправда, Христос, что тебя не люблю, что не верю,  
Так же верю в тебя, как и в прежних богов, что древнее.  
Только тебя я считаю не больше  
Прежних, не меньше — моложе всего лишь.

Ненавижу, вернее, спокойно я тех презираю,  
Кто считает тебя выше всех, надо всеми богами.  
А для меня ты стоишь и не выше  
Прочих богов, и не ниже — всего лишь.

Бог печальный, ты нужен затем, что таких не бывало,  
Ты ещё один бог в пантеоне богов, непохожий,  
Ты и не выше других и не чище,  
Но не хватало тебя между ними.

Ты учти, о священник, Христа одного обожатель,  
Многоликая жизнь каждый день от других отличает,  
Лишь многолики, как дни, мы пребудем  
С истиной и с одиночеством в жизни.

Пред судьбой я, Лидия, страхом мучусь.  
Если малость каждая ненароком  
Мой уклад привычный меняет сразу,  
    Ввергнут в тоску я.  
Что угодно, коли оно меняет  
Ровный жизни ход, как бы ни меняло,  
Даже если к лучшему, я встревожен,  
    И перемены  
Я боюсь. Когда б разрешили боги,  
Чтобы жизнь моя непрерывно длилась  
И была подобна равнине гладкой  
    До горизонта.  
Пусть не будет славы, её не жажду,  
Ни любви, почёта и уваженья.  
Буду рад, коль жизнь будет просто жизнью,  
    Жизнью моею.

26-5-1917

# 40

Себе будь господином ты,  
Зорко на мир смотри.

Руке тесно пожатие,  
Как черенку мотыга,  
И мир внешний ты чувствуешь,  
Сжавший ладонь твою,  
Чем-то иным, отличным.

*11-8-1918*

# 41

Людей Судьба и боги наделяют,  
Согласно непонятным нам законам,  
    Не по справедливости,  
Достатком, нищетой, удачей, горем.

Добро ли, зло — равно ты не получишь  
Того, что заслужил, коль боги против,  
    Рок о наших правилах  
Не знает вовсе, свой закон блюдет он.

Сегодня ты король, но в рабстве завтра,  
Кто был рабом вчера, на трон восходит.  
    Тот безвинно падает,  
Другой же без заслуг звездой зажжётся.

Не в нас залог того, чем будем в жизни, —  
Богов каприз, а выше, над богами,  
    Тайно тени властвуют  
Над жизнью нашей, счастьем и смертью.

Коль ты удачлив, знай, ты удостоен  
Удачи не затем, что ты Судьбою  
    Избран как достойнейший,  
Что плата за труды тебе даётся.

Нечётко, ненадёжно жизни русло,  
Чего мы ждём, приходит к нам нечасто,  
    Если и сбывается,  
Всё кажется, чего-то не хватает.

Позволь же этой жизни смутной длиться,  
А сердце сделай ты богов достойным,

Что с тобой случается,  
Принять ты должен. Боги не бунтуют.

Смотри, в руках Судьбы неумолимых  
Вращаясь, колесо хоронит ныне  
В небеса глядевшего  
Ещё вчера из преходящей выси.

*17-11-1918*

Волны бег свой стремят, волны поспешные,  
Вновь их зелень кипит вечным движением,  
Их шипящею пеной  
Пляжи будто заснежены.

Тучи бег свой стремят, тучи спокойные,  
Путь круглят в вышине, ширят движение,  
Солнце греет пространство  
Между тучами скудными.

Что спокойному дню наше присутствие?  
Равнодушен и я в это мгновение,  
Мне почти незаметно  
Ускользание времени.

Только смутная грусть, мимо сознания,  
Медлит возле дверей дома души моей  
И, взглянув мимолётно,  
Исчезает с улыбкою.

23-11-1918

## 43

Ты, утро, восходя, меня не видишь,  
Ты, солнце, светишь, обо мне не зная,  
Но ведь вы — реальные,  
Оттого что вижу вас.

Ведь, собственным желаньям вопреки, я  
Живую сущность чувствую в природе,  
А в её величии —  
Всё своё ничтожество.

И это делает меня великим,  
Как ту волну, что буря бросит в воздух,  
Что назад воротится —  
Вглубь — отяжелевшая.

23-11-1918

## 44

Рано приходит зима к нам, Хлоя,  
Хотя её и ждёт, пожалуй,  
Наша привычка вечно  
Все охлаждать желанья.

Разве стемнеет, коль день не умер?  
Любовь и вера запылают,  
Коль не-любовь не гибнет  
Вместе с безверьем в сердце?

Каждым движением тела сами  
Покой свой нарушаем прежний.  
Так меж противоречий  
Времени вечно жить нам.

Важно суметь овладеть искусством —  
Уменьем жить; кто им владеет,  
Вырвать у часа может  
Метаморфоз победу.

Так же, как сумерки в южных странах,  
Пусть так и нас ведёт спокойно  
Жизнь, чтоб потом внезапно  
Быть поглощённой бездной.

7-7-1919



## 45

В тот момент, когда по лугам цветущим  
Мы идём и наша любовь — посредник —  
    То присвоит, что знали бы  
    Друг о друге без третьего,

В тот момент, когда нас виденья эти  
Внешним блеском, прелестью захватили,  
    Нашей общей душой они  
    Дерзко властвуют, Лидия,

Так люблю тебя, что сказать не в силах,  
Коль начну я речь, о лугах мой лепет,  
    И настойчиво вторит мне  
    Речь любви невидимой.

7-7-1919

Делать из незнания науку –  
Вот что подобало бы тому,  
Кто, предпочитая, ошибался бы.  
Между тем достаточно бриза  
И тени в лесу, и память  
Не знает будущего.

*11-10-1934*

Завтра эти буквы о моей любви к тебе  
Будут видны, а ты — мертва.  
Тело, ты было жизнью, для какой не было создано...  
Так прекрасна! Стихи остаются.

Ты закон исполняй, низок ли он иль нет.  
 Кто ты сам — супротив внешней реальности?  
 Кривде властвовать дай ты,  
 Гнев смиривши бессмысленный.

Королевство твоё — разум твой собственный.  
 Боги или Судьба дали тебе его,  
 Правит он до границы,  
 Где гнездятся желания.

Здесь, пусть ты побеждён, грозны враги твои,  
 Хвастай, сколь велика мощь победителей.  
 Нет разгрома двойного,  
 Не унижен ты низостью.

Значит, правду свою, с коей желал бы я  
 Жизни зло обуздать, выгнать осталось мне,  
 Как слугу, что изменит,  
 Из просторного разума.

Если и над собой даже не властвую,  
 Разве я над судьбой буду господствовать  
 Там, где тело и разум —  
 Части мира подлунного?

Пусть же мне и меня будет достаточно,  
 Если прочее всё вечно вращается  
 В круге том, где и боги —  
 Бега вечного пленники.

29-1-1921

Стих повторит мне  
Веющий ветер,  
Поле и лето  
И одинокий  
Внутренний дворик.

Или зимою  
Снег на вершинах,  
Звук у камина  
Песен старинных,  
Старых рассказов.

Боги даруют  
Радость, не боле  
Этой ничтожной,  
Но позволяют  
Большей не желать.

29-1-1921

## 50

Ты можешь стать лишь тем, кем был всегда,  
Что дали боги, дали изначально.  
Однажды лишь Судьба  
Твою судьбу решает.

Немного значат все твои усилия  
В границах сил, тебе определённых,  
Немного, если не был  
Для большего рождён ты.

Так будь доволен теми существами,  
Кем ты не быть не можешь. Есть ещё  
Покров небес и почва:  
Зимою — зелень, летом — сушь.

*12-5-1921*

Благо зря я ищу, в коем отказано.  
Разве могут цветы, чьё-то наследие,  
Больше дать, чем внушить страсть обладания  
Ароматом их издали?

*12-5-1921*

Не надо славы мне, её разделит  
Со мною Герострат,  
И если б я был лишь красив, все так же  
Глядели б на меня.

Не надо мне и роскоши продажной,  
Любви слепой, случайной.  
Я остаюсь со мной, и пусть несчастлив,  
Зато я настоящий.

12-5-1921



Мало пространство, что отделяет нас  
От тех, кем будем, смертью объятые.  
Даже не ведаем, чем же станет  
То, чем ныне являемся.

Мы с ним лишь прошлым общим и связаны,  
Оно залогом служит присутствия  
Нашей души, что, подобно няне,  
Повесть молвит забытую.

Когда б могли помыслить, как если бы  
Мы были теми, жить переставшими, —  
Их ощущение в себе почуяв,  
Как чужие смотрели бы

На нас, самих себя не узнавшие,  
На то пространство, нами обжитое,  
Свет, где душа родилась, чужая,  
До её воплощения.

31-1-1922

## 54

Каждый выполнит сам то, что исполнится,  
И желает судьбы той, что желается;  
    Не исполнит желанного,  
    Не желает, но делает.

Как на клумбе в саду камни разложены,  
Как нас Рок разместит, так и останемся;  
    Ведь Судьба нас поставила  
    Там, где быть нам положено.

Так не будем желать знания большего,  
Чем нам должно узнать, долгу ответствуя.  
    Смочь себя бы исполнить нам,  
    Коль другого нам не дали.

29-7-1923

Хочу стихов, что, как драгоценности,  
Несли бы свет свой через столетия,  
Чтобы смерть их не пачкала,  
Всё и всех стерегущая,

Стихов, где грусть и грубость забудутся  
Бегущих дней и где возвращается  
Та свобода античная,  
Коей, может, и не было.

Здесь, в этих добрых тенях, что тянутся  
Туда, где нас не помнит история,  
Вижу тщательно вяжущих  
Строки, смело небрежные.

И боле всех тебя вспоминаю я,  
Твою бессмертную, бесполезную  
Славу помню, пишу в ночи,  
Пью, Гораций, я в честь твою...

5-8-1923

Я даров не желаю  
Тех, в каких вы невольно  
Мне б скорей отказали,  
Дав мне то, что утрачу;  
Ведь двойную потерю  
За двоих мне оплакать.

Лучше вы обещайте  
И не дайте, потеря  
Ожиданием будет,  
А не воспоминаньем.

И не знать бы печали  
Большей в жизни, чем эта:  
Вечно медлит с приходом  
То, чего не бывает.

2-9-1923

Ваша чудесная юность весёлая,  
Ваше задумчиво-тихое счастье,  
Эта манера на взгляд отвечать  
И о себе не ведать —

Всё, чем являетесь, чем вы так схожи  
С жизнью всеобщей, о вас позабывшей,  
Дарит любовь тем, кто любит вас верно,  
Пусть и не помня вовсе

Юностей, коих отца правосудья,  
Несправедливого Хроноса, море  
Губит, лишь в памяти вечной оставив  
Пенистый белый шум.

2-9-1923

Ночь воспеть не хочу: в этих созвучиях  
Солнце ночью умрёт, мною воспетое.  
Знаю, что забываю...  
Я пою, чтоб забыть о нём.

Если б мог я прервать, хоть в сновидении,  
Аполлона пути, чтобы назвать себя  
Двойником одержимым  
Часа непреходящего!

2-9-1923

Кто я — вспоминать, знать я не хочу,  
В зеркале кривом облик искажён.  
    Что живём, нам не ведать бы —  
    Жизнь вернее исполнится.

Тот же срок, что мы, час живёт, в каком  
Наша жизнь течёт, в нём всё та же смерть,  
    Если с нами проходит он  
    И уводит нас в прошлое.

Если это знать знания не даёт  
(Много ль пользы — знать под чужой пятой?),  
    Значит, жизнь наилучшая  
    Длится без измерения.

2-9-1923

Пчела в полёте трепещет над  
Цветком пахучим, её почти  
С цветком способен спутать  
Небрежный наблюдатель,

Такой была при Кекропсе ещё.  
Но кто сознанием владеет в жизни,  
Тот в старости отличен,  
С сородичем не схож.

Все пчёлы схожи. Лишь мы должны —  
О жизнь! О время! Душа! О смерть! —  
Смертельно выкупать  
Ту жизнь, что больше жизни.

2-9-1923



# 61

За днями дни, а жизнь всё та же.  
    Лидия, что вершится,  
Участвуем мы в этом, нет ли, —  
    Так же оно вершится.  
Коль сорван плод, хиреет скоро —  
    Сохнет и тот, на древе.  
Равно судьба — её ты ищешь,  
    Ждёшь ли. И всякий случай —  
От Участи, что так чужда нам,  
    Вечна и необорна.

2-9-1923

Короткую сознательную жизнь  
Терзает повторяющийся образ  
Конца, что неизбежен; в каждый час  
    В ней подмена почудится;  
Орфеем, обратившим на жену  
Взгляд, палачом ей ставший, воскрешает  
В нас прошлое она, чтоб погасить  
    С болью в пропасти разума.

22-10-1923

Ты собери однажды  
Все цветы вожделенные.  
Дольше, чем до ночи, день не длится.  
Всё бери, о чём помнишь ты.

Жизнь коротка, а рядом —  
Тьма и горечь отчаянья.  
Нам непонятны законы жизни,  
Подданным без властителя.

Днём наслаждайся, будто  
Жизнь лишь в нём заключается.  
Разве нам боги судьбу готовят?  
Нечто нам неизвестное.

24-10-1923

За листом тотчас лист не падает,  
Всё не сразу случается,  
И для нас приходит не сразу знание,  
Что всегда умираем мы:  
Помни, Хлоя, мы смертные.  
Раньше тел, какие любовь являют,  
В нас дряхлеет сама она.  
Мы же порознь юны ещё чудесно,  
Сберегаемы в памяти.  
Ах, когда б мы были такими вечно  
И вся жизнь длилась час всего,  
Мы в объятье каждое так чрезмерно  
Жизнь, что гаснет, вложили бы:  
Целовались так, что в момент последний —  
Поцелуй наш единственный  
На обоих нас всю громаду мира,  
Тяжесть мира обрушивал.

27-10-1923

# 65

Всё, что проходит, проходит так рано!  
Юным таким умирает, когда  
    Пред богами отходит!  
Всё, что мы знаем, — одни лишь догадки.  
Пей, нюхай розы, люби — и молчи.  
    Пустяки — остальное.

3-11-1923

Я не стану искать знанье о будущем —  
    Что б ни случилось, что б ни было,  
Тем и жить надлежит. Взгляд отрываю я  
    От немого грядущего.  
Отвратительно мне то, что невидимо,  
    Знать о том и не надобно:  
Будь одним, будь другим — что переменится,  
    Разве что-то прибавится?  
Что готовит Судьба, ей лишь пусть ведомо,  
    Мне ж незнание дорого.

4-11-1923

Повторяясь, жизни свой лик час за часом  
Изменяют прежний, и мы час за часом,  
    Размышляя, стареем.  
Всё пройдёт неведомым, нужно ль знание —  
Ничего ни в чём изменить не может  
    Ни мудрец, ни невежда.  
Меж собой похожие так, что пар не сыщем,  
В смутный час мы будем лелеять пламя  
    В чаше хладных ладоней.

16-11-1923

Не вернётся назад к нам злополучное  
Потомство Сатурна,  
Как богов ни моли, разве вернут они  
Свет видевших прежде?  
Так недолог наш час — речи нерадостной,  
Улыбки летучей,  
Краткой нашей любви, дня невозвратного,  
Что полон печали.

16-11-1923



Раньше тебя была Мать Земля — рабыня  
Тьмы превосходящей, рождающейся в душе  
И падающей на мир,  
Потому что позади сияет солнце.

Реальность возвратил ты миру,  
Которая была у христиан закрыта в душе,  
И снова отворил двери  
Там, где светит Возница

Или куда Феб указывает, и два брата небесных,  
Когда на отдалённой мачте в ночи сияют,  
Значат больше, чем просто светило  
На острие сухой жерди.

Ты возвратил Земле Землю. И теперь  
Ты — телесная часть самой земли,  
Или тень <...>  
Блуждаешь среди холодных теней,

Но, слыша тебя, народы, те, кого освещаешь,  
Обитатели бездны, печальные лбы  
Поднимают и чувствуют, что боги  
Проходят сквозь тени.

И вот снова свет наполняет бездну,  
И небо восходит укрыть глубокую основу  
Таинственного зева,  
Несущего конец жизни.

17-11-1918

Какою жизнью я наполню краткие  
Дни, что уходят? Будет жизнь моею ли  
Или будет подарена  
Теням, людям неведомым?

И сами мы, о, сколько раз мы жертвуем  
Своею жизнью, слепо, бессознательно,  
И судьбу исполняем мы  
Не свою, постороннюю!

Судьба, однако, — то, что нам назначено,  
Будь случай, рок ли, нам чужой, без имени,  
Безымянных волочит нас  
Тот поток, нам неведомый.

О боги, знайте, я легко, с улыбкою  
Принять сумею, не желая этого,  
Путь жестокий, безжалостный,  
Мне судьбой уготованный.

5-5-1925

Велик идущий вперёд шаг за шагом  
В своём исследовании Вселенной.  
Исподволь открывает он  
Олимпийцев владения.  
Ведь чем яснее вещи видит смертный,  
Боле становится богам подобен,  
Так что чует касания  
Тех, живущих вне времени.

В мире всё вращается в круге вечном,  
Будет осень, после зима вернётся,  
    Хмурый день иль погожий,  
    А в итоге — всё то же.  
Но меня другим не застанут зимы,  
Но меня они оставляют прежним,  
    Арестантом несчастным  
    Непонятого нрава.  
Неизбежность я признаю покорно,  
Вечно прежним я восстаю, неверный  
    Тем немым устремленьям,  
    Что во мне умирают.

24-11-1925

Разве только вино? Лью я забвение  
В кубок свой, и пришла радость невольная.

Счастье светит несведущим,  
Нет улыбки у помнящих.

От животных не жизнь, душу иметь бы нам:

Ей бездумно легко участь принять свою,

Ту судьбу, что без памяти,

Что не ждёт, не надеется.

Поднимаю бокал смертной рукой своей,

Бренна влага вина, хрупок бокал в руке.

Взгляд потухший готовится

Стать и вовсе невидящим.

13-6-1926

Уж надо лбом моим седыми стали  
Густые кудри юности погибшей.  
Глаза сияют меньше.  
Устам грешно мечтать о поцелуях.  
И если любишь ты, то не любовью:  
Со мной мне изменяешь.

13-6-1926

Горечь, печали смятением душат  
Тесную эту, суровую жизнь!  
    Сколько нам бед всечасно  
    Высшее насылает!  
Тот ли, подобный скоту, что бездумно  
Жвачку жуёт, сам себе неизвестный,  
    В смерть как домой заходит;  
    Или учёный — в дебрях  
Знаний бредя, — жизнь ненужную взвеют  
Всё же над нашей; так дым воздымает  
    Руки, что растворятся  
    В призраке неба дальнем.

14-6-1926

Вернётся ль на ветвь лист оторвавшийся,  
Любая вещь — к основе потерянной?  
Мгновенье, только что начавшись,  
Умерло безвозвратно.  
И даст мне будущее не более,  
Чем опыт этот, что повторяется,  
Земной судьбы, потери горькой  
Всех моих дней и жизни.  
Затем и в реке, всем нам назначенной,  
Теку не одной, многими волнами,  
Без просьб, без тех богов, кто мог бы  
Просьбы мои услышать.

28-9-1926



Надежда и не менее напрасное  
Отчаянье не правят нами, Лидия,  
    Нашей краткою жизнью.  
Лишь тот удачи ждёт или отчаялся,  
Кто знает. Нам в мгновенье ускользящем  
    Ничего не известно.  
И лепестки, что рвём с кустов мы розовых,  
Их рвём как тот, кто, ни о чём не думая,  
    День за днём умирает.

28-9-1926

Плоды — приносит нам их жизнь деревьев,  
А разум бедный лишь себя украсит

Цветеньем бледным  
Душевной глуби.

Так много королевств мечтаньем можешь  
Гравировать ты, фантазёр! И сколько

Селений, градов,  
Не зная краха!

Ах, что ты можешь против силы чуждой  
Творить? Чреду намерений бесплодных!

Лишь отрекаясь —  
Собой владеешь.

6-12-1926

Воображаемый восторг — реален.  
Что намечтаем о себе, то будет,  
    Коль разумом прилежным  
    Упорно верим в это.  
Кому есть дело до того, как мыслю  
Я о судьбе, вещах и всех созданных?  
    Что сделал для себя,  
    То для себя я сделал.  
Пусть вне меня, глухая к мыслям этим,  
Исполнится судьба. Я всё ж исполню  
    Себя в той малой части,  
    Где над собою властен.

30-1-1927

На солнечных часах, давно негодных,  
Мы видим, как и на неповреждённых,  
    Тот же потерянный миг...  
И с радостью, с какой я забываю,  
Жизнь, уходя, меня же мне являет  
    Более хрупким и смертным;  
Куда б ночь роковая ни вела,  
    Так ли, иначе — увидим.

30-1-1927

Над плодородной пажитью торжественно  
Плывёт, белея бесполезно, облако,  
Что на мгновение над землёй возвысилось  
Выдохом остывающим.

Так мысль во мне парит, высоко, медленно,  
Темнит рассудок мой, но возвращаюсь я  
В себя обратно, к полю, дню обычному  
Жизни внешней, поверхностной.

31-5-1927

Не воротится, не обернёт Орфеем  
Лица Сатурн своего.  
Лоб суровый его признаёт одно лишь:  
Шествие будущих дней.  
Нет для нас достоверней мгновенья, в кое  
Истинным мыслим его.  
Но мудрее, не мысля, творить мгновенье,  
Истину черпая в нём.

31-5-1927

Не молит ни о чём твоих рук мрамор,  
Не судит ни о чём твоих губ немость —  
    В погребке удушливом  
    Под землёю влажною.  
Улыбка только, та, с какой любила,  
Бальзам прольёт, и в память ты из дали  
    Входишь прежней, будучи  
    Ныне смрадным гноищем.  
То имя, что имела ты при жизни  
Как душу некую, уже забыто,  
    Одой воскрешённая —  
    Лишь улыбкой помнишься.

5-1927

Коль увижу: листья блестят под солнцем,  
 Ветер лёгкий волосы мне развеет —  
     Мне ничего не надо.  
 Что Судьба мне может вручить дороже  
 Той ошибки чувственной — жизни брэнной  
     Средь темноты незнаний?  
 Яд сомненья в розы мы льём. Доходит  
 Половина смысла в сознанье наше,  
     Мысля, его теряем.  
 Непонятен замысел нам природы:  
 Ширит поле, тянет цветок и полнит  
     Плод — тут и смерть приходит.  
 Все пойму причины, коль есть причины,  
 В миг, как смерть в мой разум войдёт хозяйкой  
     И не смогу я видеть.  
 Что же до причины, зачем живём мы,  
 Не найдём её, нам искать не надо,  
     Глупо и неуместно.  
 Тот мудрец воистину, кто не ищет,  
 Кто находит пропасть во всём, что видит,  
     Даже в себя не веря.

16-6-1927



Вы скажете: в могиле, мне памятной,  
Кого любил я, нет. В этой ямине  
    Взгляд, улыбка не прячутся.  
Но, ах! глаза, уста здесь скрываются!  
Касался не души, но рук — здесь они,  
    Человек, лишь труп оплачу я.

6-7-1927

Тиха волна, оставлена отливом,  
Тяжёлая отступит. Всё в покое.  
    Шум людской лишь слышится  
    Под луной сияющей.  
Неера, Хлоя, Лидия, вы все мне  
Сегодня чужды: речи я внимаю,  
    Речи тайной, сказанной  
    Тишиной таинственной.  
Держу в руках мою судьбу, как череп  
Иль ключ от склепа, мне совсем не нужный,  
    Рок свой ненавижу я,  
    Сердцем не приняв его.

6-7-1927

Многие радость вкушают от радости  
Радость вкушать — и её же не ведают,  
Напоказ разделяемой,  
Чтоб дивились сторонние.  
Лидия, ах! одеяние дивное  
Сшито для радости неразделяемой,  
Мы не можем дарить её,  
Чтоб вкусили и прочие.  
Каждый — один, и пусть нужен другой ему,  
Вкусит он радость с ним, но не разделит с ним.  
Слушай слова учителя:  
Тела, чем ограничен ты.

9-10-1927

Расцветашь ты вновь красками чудными,  
О большая земля, летом и вёснами,  
    Радостью полно поле.  
Только дремлет в полях осень недалняя,  
Зреет в листьях зима, в свежей их зелени.  
    Смерть в каждом дне таится.

*9-10-1927*

Из наших взглядов вера происходит,  
Из веры — действие; и пропадает,  
    Водой в воде теряется.  
Пойми себя, коль сможешь. Коль не сможешь,  
Пойми и это. Будь своим. Чужого  
    Не жди, не раздари своё.

19-10-1927

Сон хорош: нам сладко, проснувшись, видеть,  
Что хорош. И смерть, коли сну подобна,  
От неё пробудимся,  
Если ж нет и не сон то,

Отрицать её жизнью всей мы будем  
В час, пока в телах обречённых наших  
Длит тюремщик неведомый  
Срок наш, нам неизвестный.

Я не знаю, Лидия, что за смертью,  
Жизнь страшней, и всё ж выбираю жизнь я,  
Розы рву для тебя я —  
Дар судьбы незаметной.

19-11-1927

На травах след недолгий ушедшего,  
Утихший звук, что полем не стелется,  
Абрис, выписан сумраком,  
След, от судна струящийся, —

Душа оставит в душах не более,  
Уйдя. Забудет воспоминание.  
Мёртвые — умираем мы.  
Мы — лишь наши, о Лидия.

25-1-1928

Для каждой шеи палачом неведомым  
Топор наточен. Счастье карнавальное  
И смех затем лишь, что живёт и чувствует  
Жизнь в этих сонных масках.

Пускай сплетают из цветов искусственных  
Они гирлянды. Мало им отпущено  
Часов, и милость в том, что их сознание  
Тьмою объято, дремлет.

И если знание — жизнь, невежд мудрейшими  
Считать нам должно; люди близки разумом  
Скоту! Смелей же! Дайте умирающим  
Пламенного веселья!

20-2-1928



*Нирвана*

Буду спать, спать, спать,  
В бесконечных снах плутая,  
Но и чувствовать, и знать,  
Что я сплю, мечтая.

Волны мрака разлились,  
Но сияют в глубине  
Очи звёзд, что тянут ввысь,  
И мечтаю я во сне.

Звёздное небытие —  
Что — моё — в нём не забыто?  
Лишь незнание сие  
С небом звёздным прочно слито.

20-2-1928

Сладок плод глазу — на вкус он горек,  
Кратка жизнь сроком — долга душе.

Помня это, мы дерзко,  
Не зная, что в нём, стакан осушим,  
Наполним снова — посмеем к ночи  
Сбросить всё, не жалея.

20-2-1928

Блаженство и мысли о нём — сладость двойная.  
Тьму выбирает глупец, свет разума — мудрый,  
Сходные судьбы — розны.  
Бокал поднимаю, смотрю, пузырьки  
В ощущение включаю и пью, наслаждаясь  
Большим, чем есть в бокале.

21-2-1928

Соберись — и получишь спокойную силу;  
На себе не фиксируй вниманье своё.  
Для себя служишь ты пьедесталом,  
На котором возводишь себя.  
Сверх того — к униженью ведёт, ибо низко.

10-4-1928

Бесславна жизнь, и знать её бесславно.  
Себя в себе, помыслив, не узнают  
Те, кто познал себя!  
Сменяются часы, и наши веры  
Сменяются, и жизнь проходит между  
Быть и существовать.

26-4-1928

Здесь, в кронах густолиственных деревьев, —  
Холодный и высокий ропот ветра,  
И, полностью теряясь в этом звуке,  
    В одиночестве мыслю я.  
Так в мире, что над чувствами моими,  
Вихрь и творит, и забирает жизни,  
И смысла нет ни в чём — и даже в той душе,  
    Что во мне, размышляющем.

26-4-1928

У нищего кольцо — несправедливость,  
Удача у мыслителя — бесчестье:  
Лишь истины он жаждет.

Пусть имя короля имеет нищий,  
Важней отведать королевских блюд;  
Ну а мою надежду  
Рассудок заставляет сохранить,  
А не желанье теплит.

26-4-1928

Всё уходящее — смерть, и если  
Это уходит для нас, то — наша.  
Видишь, куст умирает,  
Часть меня с ним уходит.  
Частью всего остаюсь, что видел,  
И уйду я со всем, что видел,  
Ты ли, стало ль тобою —  
Память не различает.

7-6-1928



Опаздывает лето. Мало солнца  
На поле — даннике надежд людских,  
Дождей не ждём, они ведь неуместны  
    В такое время года.  
И знание моё о том, что вижу,  
Довольствуется тем, что ложно, ночь  
Предложит скоро мнимое решение  
    Всему, что умирает.

7-6-1928

Справедливо судьба всех оделяет нас:  
Эти будут высокими,  
Те, другие, счастливыми.  
Ни дарить, ни карать ей не приходится.  
Ничего не должны мы ей,  
Лишь принять её, Лидия.

20-11-1928

И о жалкой траве помнит Судьба –  
Для всего живого закон.  
По природе своей вянут розы,  
Наслаждения гаснут.  
И какими мы были, кто знает?  
Даже нам неизвестно.

*20-11-1928*

Кто дню говорит: «Продлись!» — и тьме: «Уйди!» —  
    Себе же: «Молчи!» — не скажет.  
В нелепом дозоре, всю жизнь — часовые,  
    Соперников нет у нас,  
И мы сторожим в любое время года  
    Свой пост и своё незнание.

20-11-1928

Откажи во всём, но участь мою поведай мне,  
Чтобы я, стоик нестрогий,  
В приговоре грозного Провидения  
Буквами насладился.

21-11-1928

Будь фонарём, свети сквозь стекло  
И тепло сохраняй.  
Ветра неистовые не смогут  
Твой свет погасить;  
Тепло рассеется, но не остынет  
В просторе пустом.

3-3-1929

Коль вспоминаю, другим себя вижу я,  
Прошное — день настоящий, но в памяти,  
    И люблю себя прежнего  
    Я в мечтаниях призрачных.  
И ностальгия моя не от прошлого,  
Не от меня, так далёко ушедшего,  
    От того, в ком я нынешний  
    Под очами ослепшими.  
Знает ли кто-то меня? Лишь мгновение.  
Память бессильна помочь мне, и чувствую:  
    Кто я есть и кем раньше был —  
    Разные сновидения.

26-5-1930

Пусть приходит, Лидия, наша осень  
И зима, что в ней, сохраним же думу  
Не о вёснах будущих ароматных,  
    Вёсны — других наследье,  
Не о лете: мы для него погибли, —  
Лишь о той оставшейся напоследок  
Желтизне, её проживают листья,  
    С ней становясь другими.

13-6-1930



Нежный, будто Эолом забытый,  
Бриз предутренний поле ласкает,  
Солнце восходит неспешно.  
Мы же, Лидия, не пожелаем  
Больше солнца и ветра сильнее,  
Чем этот бриз чуть заметный.

13-6-1930

Двенадцать месяцев всего пройдут,  
И вот проходит год, так быстры годы,  
    Так мало длится жизнь.  
Двенадцать или шестьдесят — что значат,  
Когда ты в числовом лесу, мгновенье —  
    И будущего нет!  
Уже две трети протекли от срока,  
Который был предписан мне, спешу  
    И скоро спуск окончу.

18-6-1930

Не знаю, чьё прошлое я вспоминаю,  
Каким я был, когда я был другим,  
Как чувствовал тогда я той моей душой,  
Которую я помню и сейчас.  
Так день за днём мы покидаем нас.  
Ничто и в нас самих нас не роднит с прошедшим —  
Мы есть кто есть. А кем мы были — было  
То существо, что видно изнутри.

2-7-1930

Кем был я — мне чужой. Его я вижу,  
Когда я вспоминаю. Видеть — быть другим.  
    Да, прошлое могу я только видеть.  
И то, что мной я ощущал, я вижу ясно.  
Чужда мне прежняя душа. То, что во мне,  
    Пришло сейчас как постоянный двор.  
Кто сможет отличить среди ошибок  
В манере чувствовать себя ту собственную форму,  
    В которой существует?

2-7-1930

Мы чувствуем не то, что есть, но только  
Доступное рассудку. Вот зима,  
Её мы принимаем как судьбу.  
Пусть будет на земле, но не в сознание нашем,  
Чтобы в любой любви и книге мы любили  
Наш кратковременный очаг.

8-7-1930

Слабое в пороках и в добродетели,  
Правила обычные человечество  
Соблюдает и в ярости.

Мы, друг с другом схожие и различные,  
Век свой проживаем по своим правилам  
И так живём свободными.

Свободен живущий по нормам собственным,  
Отличным суровостью предписания,  
Кто может себе приказывать.

9-7-1930

Мне неведомо, любовь ли, притворство  
То, что даришь мне. Ты даришь — и хватит.  
    Пусть меня старят годы,  
    Но молодит ослепленье.  
Боги мало дают, лживо и это,  
Пусть и лживо, зато дар — настоящий.  
    Я принимаю его  
    И глаза закрываю.

12-11-1930

Мало хочешь — всё имеешь.  
Ничего не хочешь — волен.  
Даже и любовь чужая,  
Нас желая, нас гнетёт.

*1-11-1930*



Разве только врагам, нас ненавидящим,  
Угнетать нас дано? Право, не менее  
Нас понуждает любовь.

Мне же уз не иметь боги позволили,  
Дар свободы вручив и одиночества —  
Хлад обнажённых вершин.

Всё имеет мудрец, мало желающий,  
Волен, кто не желал; всё отвергающий —  
Равный богам человек.

*1-11-1930*

Не надо мне, Хлоя, твоей любви,  
Она ждёт ответной. Мила мне свобода.

Надежда — обязанность чувства.

*1-11-1930*

# 119

Никогда чужую волю, пусть приятную,  
Как свою не выполняй. Себе приказывай,  
Но ты и себе не раб.  
Ничто не изменит тебя. Приказания  
Судьбы твоей внутренней, в коей не волен ты,  
Исполни. Сыном будь себе.

*19-11-1930*

С собой самим лишь в мире оставлен я,  
Боги так предписали.  
Против них я червяк: что мне даровано,  
Принимаю — и только.  
Так и колос ляжет под ветра порывами,  
Ветер стихнет — поднимется.

*19-11-1930*

# 121

Боги и мессии, тоже боги,  
Проходят, как сны пустые, — тоже мессии.  
    Остаётся земля немая.  
Ни боги, ни мессии, ни идеи  
Роз не приносят мне. Если есть — они мои.  
    Если есть — чего желать мне?

8-2-1931

Отрекаюсь от желания, коль оно  
Угнетает мне волю. Ничто на земле  
    Не достойно внимания,  
    Если боль с ним приходит.  
Выставляю ведро на дождь — наполнить водой,  
Открываю желание миру.  
    Получаю мне данное,  
    И чего не хватает — не надо.

*14-3-1931*

# 123

Тем, кто ты есть, ты не будешь: в другого  
Тебя превратит время.  
Стоит ли вкладывать столько в себя,  
Раз это будешь не ты?  
Есть у тебя лишь твоё и ты, что же  
Ещё ты можешь иметь?

22-9-1931

Недолг день и год, и всё недолго.  
Ничем мы станем скоро.  
И мысль о том безжалостно глотает  
Все думы, что родятся.  
И угнетает даже краткость боли,  
Ведь жизнь она, пускай и боль.

27-9-1931



# 125

Властвуй или молчи. Ничего не теряешь,  
Отдав, чего нет у тебя.  
Разве ты Цезарь? И малого хватит  
Тебе — того, кто ты есть.  
Лучше владеть убогим домишком,  
Чем жить во дворце чужом.

27-9-1931

Всё, от далёких планет и до нас,  
    Нашим миром зовётся.  
Чужды всему, увеличить себя  
    Мы хотим, обо всём размышляя.  
Ближней травы нам должно быть довольно,  
    Лучшее — то, что есть.

*10-12-1931*

# 127

Никто в огромном верующем мире,  
В конце концов, не видел бога сам,  
Хотя о нём и знает.  
Мы в ветре слышим то, что им несомо.  
А то, о чём мы думаем, любовь ли, боги,  
Проходит вместе с нами.

*10-12-1931*

Если для каждой вещи есть свой бог,  
Разве мне нельзя иметь своего?

Почему бы мне не стать богом?

Бог оживляет во мне что-то, я ощущаю.

И я так ясно вижу внешний мир:

Вещи, люди — без души.

*12-1931*

Сини те горы, что тают вдали,  
До меня от них — пёстрое поле под ветром,  
Зелено, жёлто, разноцветно,  
    Волнуется неясно.  
Слабое, как стебель мака, мгновение  
Меня держит. Ничего не хочу.  
Добросовестность мышления — пух  
    На весах жизни.  
Как поля, переменчивый и, как они,  
Внешний для себя самого, себя вручаю,  
Сын неизвестный Хаоса и Ночи,  
    Дням, в каких существую.

31-3-1932

Что мы знаем, Лидия? Мы чужеземцы,  
Где бы мы ни жили. Всё нам чужое,  
    Язык у всего чужой.  
Из себя самих убежище создадим,  
Робкие, там спрячемся от обиды,  
    От суматохи мира.  
Разве хочет любовь принадлежать другим?  
Как секрет, рассказанный во время мистерий,  
    Священная, только наша.

9-6-1932

Когда рассказываю, я серьёзен.

Слова — это идеи.

Шепчущая река проходит, но не звук:

Он наш, не от реки.

Пусть таким будет мой стих: он мой и чужой

И мной самим прочтённый.

16-6-1932

Люблю цветы, но не ищу. Случайно  
Их встретив, рад я: поиск удовольствий  
    Усилий ждёт от нас.  
Нам жизнь дана, как солнце, — безусловно.  
Срывать цветы не надо: коль сорвёшь,  
    Цветок — не твой, но мёртвый.

16-6-1932



Спокойный, жди конца, который близок.  
Любая жизнь — восход, закат и сон.  
Будь чётко в мыслях, пусть  
И думы будут кратки.

Как море мрачное — путь ясный моряку,  
Так ты в сиротстве непонятном жизни  
Единый ищешь порт —  
Себя (другого нет).

31-7-1932

Никто не любит другого, но в нём  
Сходство с собой, ложное или реальное.  
Не грусти, что тебя не любят. Они чувствуют:  
    Ты — чужеземец.  
Исцели себя, любим ли ты, не думай.  
Укрепись в себе самом, скупой  
    На страдание.

10-8-1932

Для богов вещи — более, чем вещи.  
Не дальше они видят, но яснее  
    Подлинную Природу  
    И окружающую жизнь...

Не на ту неопределённость, еле различимую,  
Что таинственно окружает существа,  
    Но на ясные детали  
    Направлены их взоры.

Природа — это только поверхность.  
На своей поверхности она глубока,  
    И во всём содержится много,  
    Если смотреть правильно.

Научись сомнениям христиан, ты,  
Предатель многообразного присутствия  
    Богов, и тогда у тебя не будет  
    Завесы ни на глазах, ни на душе.

Прошу богов я только о едином,  
Чтоб ни о чём их не просить. Удача  
Гнетёт и счастье давит:  
Ведь в них определённости.  
Спокоен я, и существо своё  
Хочу поднять туда, где нет уже  
Ни радости, ни боли.

Надо ли всё усложнять бесполезно,  
Думая о невысказанных жизнях? Родятся  
Травы — без оснований,  
Не основанья, глаза их — душа.  
Как сквозь текущую воду, их видим.

3-9-1932

Живи без часов. Измерения беспокоят,  
Но все свои мысли взвешивай.  
В текущей неясной связи, как у реки,  
Чьи волны — она сама,  
Так твои дни — ты, и если ты приходишь  
Проходить, как и все, молчи.

8-9-1932

Ничего не остаётся от ничего.  
Мы — ничто. Ненадолго откладываем,  
Пребывая на солнце, наш уход во тьму,  
    В сырую землю, нам суждённую,  
Трупы отсроченные и рождающие.

Законы, статуи, написанные оды —  
У всего есть своя могила. Коль у нас, плоти,  
Кому внутреннее солнце даёт кровь,  
    Есть закат, разве у них — нет?  
Мы сказки, рассказывающие сказки, ничто.

28-9-1932

Вся эта жизнь — не более, чем игра,  
От другого чего-то ею мы отвлекаемся —  
    От чего, мы не знаем;  
Вольные, ведь, играя, мы забавляемся,  
Узники, ведь в каждой игре есть правила;  
    Сознаём ли мы это?  
Счастлив обретающий сознание  
Игры, но не всей, а части её, дарующей  
    Нам уменье терять.

27-10-1932



# 141

Чтоб стать великим, цельным будь, будь искренним,  
Верным сущности собственной.  
Будь весь во всём, себя всего ты вкладывай  
В шаг любой и в деяние.  
Так жизнь луны, её судьба высокая  
В каждой заводи светится.

14-2-1933

Всё, что делаешь ты, делай божественно.  
Лучше, если бы нам память позволила  
    Помнить много из малого.  
Если много вместить сможешь ты в малое,  
Знай: поможет тебе память просторная  
    Быть себе повелителем.

27-2-1933

Ползёт по пустынным полям  
Тихий ветер.  
Кажется, трепещет трава от страха  
Больше, чем от ветра.  
И когда в вышине облака  
Двигутся — похоже,  
Что вращается земля под ногами,  
А они идут медленно.  
Здесь, в этом широком покое,  
Забуду обо всём,  
И даже в гости заходить не будет  
Жизнь, которой не помню.  
Так владеть фальшивым течением дней  
Буду я — настоящий.

27-2-1932

Неизвестный и спокойный  
В силу неизвестности и только свой  
В силу спокойствия, хочу наполнить  
Дни мои нежеланием большего, чем они.

Кого касается богатство —  
Золото раздражает кожу.  
Кого ласкает слава —  
Жизнь бесчестит.

Кому счастье — свет солнца,  
К тому приходит ночь.  
Но если ничего не ждёшь,  
Всё, что приходит, — приятно.

2-3-1933

День потеряян, коль он прожит без радости,  
Ты в нём лишь пребывал; жизни не чувствует  
Вкуса жизни не знающий.

И неважно, ты пьёшь, иль улыбаешься,  
Или любишь: порой солнца достаточно,  
Осветившего лужицу.

Кто приятность найдёт в мелочи, в малости,  
Тот удачлив, ни день им не теряется,  
Полный счастьем естественным!

14-3-1933

Раз уж нет того, что бы длилось или  
Цену, в смутном мире живя, имело,  
Раз и сами всё мы теряем рано  
Вместе с самою жизнью, —

Радость мига нам предпочесть вернее;  
Призрак завтра только в одном реален:  
Мы своим плохим настоящим это  
Мнимое благо купим.

Мой лишь миг, в котором живу и мыслю,  
Я есть тот, живущий сегодня в мире  
В миг, что может стать для него последним, —  
Кем притворяюсь в жизни.

16-3-1933

Ты одинок. Притворяйся молча.  
Но играй без актёрства.  
Нет ничего вне тебя. И каждый —  
Всё, что в нём существует.  
Есть у тебя и весна, и солнце,  
Коль дана, и удача.

6-4-1933

В этой ссылке, ставшей горчайшей карой,  
Я живу, тоскуя, как мальчик пылкий,  
Верный древней тяге, ошибке старой,  
Грустной причине ссылки.

Не ищи подобного сердца, нрава,  
Чтоб с твоим сроднились; на рок не сетуй.  
Быть своим — одно лишь у сердца право,  
Дали нам только это.

6-4-1933



Эти, взором своим в прошлом затеряны,  
Видят призрак, ничто; те же, в грядущее  
Тот же взор устремив, видят, обмануты,  
То, что видеть немислимо.

Так далёко идти к близкому стоит ли —  
Днём владейте своим, ныне живущие,  
Вдох единый — вся жизнь. С ним и конец придёт.  
Ты же сам — день сегодняшней.

28-8-1933

Подданный слабый светил надменных,  
Странников вроде меня, живу я  
    Мной нелюбимой жизнью,  
    Жизнью, что мной зовётся.  
В карцере дней, о себе помывшись,  
Вольным себя ощущаю, видя  
    Вышних светил сиянье,  
    Их красоте покорен.  
Высь — бесконечности маску носит.  
(Только нельзя бесконечность видеть!)  
    Может она свободу  
    Дать мне, её не зная?

19-11-1933

Гирлянда ли, корона —  
Только груз, что возложен  
На лоб, прежде ясный.

Венок из роз,  
Венец лавровый  
Лоб изменяют.

Пусть ветер сможет  
Волос касаться,  
Лоб освежать!

Пусть лоб открытый  
Сможет приклониться,  
Покойный, для сна.

Хлоя! Я не знаю  
Большей радости,  
Чем лоб неотягчённый.

*19-11-1933*

Жду, спокойный, того, чего не знаю, —  
    Что будет со мною и с миром.  
В конце всё станет молчанием, кроме моря,  
    Омывающего ничто.

13-12-1933

Я люблю то, что вижу, ведь я перестану  
    Это видеть однажды.  
    Люблю и за то, что оно существует.  
В том покойном отрезке, где мне ощущение любви  
    Ближе, чем ощущение жизни,  
    Я люблю всё, что есть, и себя.  
От богов я даров не хочу, чтоб они  
    Их назад не забрали,  
    Ничего они сами не знают.

11-10-1934

В нас живут мириады;  
Если думаю или чувствую, не знаю,  
Кто думает или чувствует во мне.  
Я — место, где думают  
Или чувствуют.

Во мне не одна душа.  
Во мне не одно я.  
И всё же я существую,  
Равнодушный к ним.  
Заставляю их молчать, говорю сам.

Сталкиваются в том, в ком я живу,  
Противоположные импульсы,  
Спорят. Я их не знаю.  
Тому, кого знаю я,  
Они не диктуют: это я пишу.

13-11-1935

Потерян каждый момент — без удовольствия,  
Но говорю не только о сбывшемся:  
Мечта о наслаждении  
В наслаждении — не мечта.

Каждый — особый мир; и как в источнике каждом  
Своё божество, почему б в человеке  
Каждом не быть божеству  
Лишь для него одного?

В тайной связи вещей лишь мудрец ощущает:  
Кроме жизни, которую он покинул,  
Не было ничего.



Песни, смех и цветы освещают  
    Участь нашу смертную  
И скрывают пустыню ночную  
    Нашего мышления,  
Согбенного под тяжестью мысли  
    О бездне плутонической,  
Мертвенного уже от ожидания  
    Хаоса возвращённого.

Как то дитя, увенчанное лавром,  
Я был. Сегодня знаю я о смерти.  
Лидия, щедрые ль чаши вина,  
Любовь ли, что опаздывает к нам,  
Что б ни было, так рано всё уходит.  
Страшись и спеш.

Оставим знание, Лидия, может ли  
Оно цветы, как Флора, рассаживать,  
Курс менять колесницы  
Светлого Аполлона?

Оставим скудное созерцание,  
Оно от близкого отстраняется,  
Слепнет, пристально глядя:  
Взор туманит усталость.

Смотри, Церера всё не меняется,  
Вздувает колос зреющим семенем,  
А под флейтами Пана  
Поле вмиг замолкает.

Смотри, античной грацией полные,  
Газель затмили сада небесного  
Нимфы, мчась в танце вечном  
И не зная покоя.

И как с ветрами, лесом летящими,  
Гамадриады нежные шепчутся,  
Пана отвлечь пытаясь  
От пристрастия к флейте.

И нам ли способ новый придумывать,  
Мы радость видеть в жизни обязаны,  
В золоте Аполлона,  
В лунном лике Дианы.

Юпитер громом в небе раскатится,  
Нептун ли волны бросит неистово,

Пляжи плоские топит,  
Скалы чёрные лижет.

Вот так и жизнь, всегда неизменная,  
Не видим Парок, нить обрезающих.  
Пусть о них мы забудем,  
Будто нет их и вовсе.

Цветы ли рвём, родник ли мы слушаем,  
Проходит жизнь, хоть бойся, хоть радуйся,  
Да и думать не стоит,  
Если знаем заранее:

Лишимся света мы Аполлонова  
И от Цереры в дали отправимся,  
Где пугливую нимфу  
Флейтой Пан не чарует.

Одни часы спокойные стоит нам  
Беречь, богам в лукавстве наследуя,  
Так мы хитростью сможем  
Научиться покою.

И пусть придёт потом седовласая  
К нам старость, если боги пожалуют,  
Этот час сберегая  
От проклятья Сатурна.

Но пусть богами будем всеильными  
Самим себе, никто нам не надобен,  
Кто себя почитает,  
Поклоненья не ищет.

Бегство дня так нежно сегодня длится,  
Будто нет нас, Лидия, не живём мы.  
Нет сомнения, боги  
Час даруют нам этот.

И в награду высшую вере нашей  
В то, что боги — сущие — там, далёко,  
Дан подарок чудесный:  
Мы, как званые гости,

Их покой наследуем величавый,  
Миг один владеем мы их искусством  
Жизнь прожить без остатка  
В миг один лишь единый.

В миг один лишь, Лидия, отстранившись  
От земных невзгод, наконец получим  
Олимпийскую радость,  
Что нисходит к нам в души.

Миг один лишь чувствуем: мы бессмертны,  
Боги мы, в спокойствие облачившись,  
В гордое безразличье  
Ко всему, что проходит.

И венцом лавровым победы нашей,  
Одного лишь дня посвящён светлым  
Будем долго хранить мы  
И в морщинистом завтра

Достоверный факт и весомый довод,  
Что один лишь миг нас любили боги.  
Час, подаренный ими,  
Был не наш — олимпийский.

Право, я не из тех, кто предпочтение  
Отдал в дружбе, в любви полу единому.  
Мне равно красота вечно желанною  
Будет в каждом обличии.

Птица к ветке летит только на дерево  
То, что нравится ей, издали выбрано.  
Бег река устремит склоном, что встретится,  
А не там, где нам надобно.

Так и я не хочу делать различие:  
Где случилась любовь, там и живёт она.  
И невинность сама не оскорбляется,  
Если любит как любится.

Как любить — не кого, это здесь главное,  
Стоит нам полюбить, любим любого мы,  
Ведь не в нём пребывать чувству назначено:  
Пребывает в любви самой.

Боги, давшие нам это стремление,  
Чувство, что красотой в нас вызывается,  
Разве в женщину лишь прелесть запрятали  
И в запретное яблоко?

Цветы, срываю вас, нет ли, —  
Ваша судьба всё та же.

Тропа, какой следую, вьёшься ты  
Дальше, чем я иду.

Да, ничего мы не стоим,  
Мы — пустота, ничто.



Беспрерывным и текучим пусть будет  
Твой путь спокойный к далёкому морю.  
Твои стихи его не остановят,  
Лишь прерывают для тебя.  
Но считай свои собственные часы,  
Твоей сущности дай неизвестную Илиаду,  
Ведь по каплям её не даёт  
Завещанная тебе жизнь...

Снисходительный к себе самому,  
Оставь другим притворство,  
Живи правдиво,  
Подражая богам;  
Они, не желая знать, когда взойдут  
На небо Судьбы, наслаждаются радостью  
Величавой проживать  
Каждый свою жизнь.

Одно моё движение,  
Муравьёв раздавившее,  
Им, малюткам, божественным кажется;  
Но сам я для себя — не божество.

И боги не являются  
Богами для самих себя,  
Для нас они — творцы и небожители  
Всего лишь оттого, что больше нас.

Как бы там ни было, очевидно:  
Это родит сомнение —  
Пусть верим мы в богов, без основания  
Нельзя всецело отдаваться вере.

Не более продуманная, чем жизнь животных,  
Предрешается людская жизнь. Разве мы знаем  
Лучше скота на поле  
Конец своей судьбы?

Не умерли, Неера, старые боги.  
При возрождении человеческой радости  
Они всегда возвращаются  
Для нашей ностальгии.

Не затем, что боги мертвы, Лидия, сокрушаюсь...  
Но затем, что живы ещё те имена сегодня,  
Живы, как на плитах могил надписи, что не стёрлись,  
    Вот оттого и плачу,  
Что Венера для христиан — это всего лишь слово,  
Именем одним Аполлон ныне стал для поэтов,  
Тех, кто следуют за Христом; вера же, что сияла,  
    Вера в богов Олимпа,  
Где ты? От того, что огнём было, остался пепел,  
От того, что было водой светлюю, грязь осталась,  
Что плоды дарил и цвет, ныне лишь ствол засохший.  
    Плачу я и не верю,  
Знаю: существуют ещё, так же как я, и боги.

В огромном просторе, где нет ничего из того,  
Чем притворяется ночь, еле светят звёзды,  
К счастью, нет луны.  
Думаю обо всём, Лидия, и какой-то  
Потусторонний холод входит в мою  
Душу. Ты не существуешь.

В великий день даже звуки светлые,  
Медлят в покое просторного поля.  
Шепчет бриз и стихает.  
Я хотел бы, как звуки, рождаясь от вещей,  
Быть вольным крылатым сознанием,  
В котором реальность тает.

У других ведут рассказ арфы и лиры,  
У меня — размышление.  
Ничего не открывает их музыка,  
Кроме их чувств.  
Но слова, точно взвешенные,  
Говорят, что мир существует.



Четырежды сменились сезоны мнимые  
Мнимого года в ровном течении  
    Неизменного времени;  
За сушью зелень идёт, а сушь за зеленью;  
Что из них первое, что последнее?  
    Никто не знает — и проходят.

Пусть боги забудут обо мне.  
Буду волен — ни счастья, ни горя,  
    Как ветер — жизнь воздуха,  
    Который сам — ничто.  
Ненависть и любовь равно нас ищут,  
Нас угнетают, каждое чувство по-своему.  
    Кому боги не жалуют  
    Ничего, тот свободен.

Если ты будешь тем, что оплакиваешь,  
Ты не должен это оплакивать.  
Если вся громада мира  
Вскоре станет для тебя ночью,  
Наслаждайся этим коротким  
Днём; без рыданий, без утешений  
Будь доволен тем, что проживаешь  
Краткое время, данное тебе.

Без kleпсидры время выливается, и мы уходим  
С ним, ничего не может против судьбы  
Судья-пленник,  
А наше желание — против богов.

Как рабы с отсутствующими богами,  
В чужом доме, в день, когда нет судьи,  
Давайте пить и есть,  
Оставим на завтра знание и жизнь.

Опрокидывайте, юноши, чашу с вином,  
И расточающая ваша нагая рука остаётся  
В помнящем взгляде,  
Как вода, которая кажется вином.

Да, героями мы будем завтра.  
Сегодня отложим это. Пусть в нашем бокале  
Просвечивает фиолетовое вино  
Потом — потому что ночь не опаздывает.

Под защитой непрочной  
Олимпийцев беспечных  
Расточать хочу дни, мне данные,  
Предрешённой жизни.

Я таков, каким создан,  
Не могу измениться,  
Только пусть от Судьбы мне достанется  
Хоть покой во владенье.

Не хочу я иного,  
Кроме жизни, ведь боги  
Жизнь даруют нам, но не истину,  
Коей, видно, не знают.

Под теми, этими ли деревьями  
Некогда вёл я танец,  
Да, вёл я танец, нимфы наивные,  
Для удовольствий вольных,  
Что вам даны. Почти человеческими  
Будьте в свободном танце,  
Пусть радость ваша в ритмах рассыплется,  
Празднично-строгих ритмах,  
Тех ритмах, кажущихся лукавыми  
Жизни, привычно-грустной,  
Что не умеет здесь, под деревьями,  
Танец вести свободный.

*Приложение*  
Варианты од

Ia

Остаюсь на века я, созерцающий,  
На колонне стихов своих.  
То движенье во мне, их пробудившее,  
Что творцом меня сделало,  
Замирает, но я, выжив, почувствовал:  
Я не прежний, писавший их.  
Час придёт и пройдёт, строчкам бесчувственным —  
Выжить им предназначено,  
На вершине времён будут заложены  
Капительными плитами.

Воплощён, превзойдёт замысел гения,  
И не властен творец над ним;  
Время суд свой вершит. Смертью создателя.  
Оживает творение.  
Так богам управлять жизнью бессмертную —  
Смертной нашею жизнью.  
Так решает Судьба, боги подвластны ей.  
Что ж, как есть, так и быть должно.

Острым было во мне это движение,  
Побуждавшее к творчеству,  
То, что первым прошло, я же — умершего  
Заменяю слагателя.

Час наступит, и сам буду я менее  
    Строк, что длятся во времени,  
А в бумаге простой, в мёртвом папирусе —  
    Больше жизни, чем в разуме.

Тень в ночи не близка ль более темени,  
    Чем то тело, что светится?

29-01-1921

## 16

Остаюсь на века я, созерцающий,  
    На колонне стихов своих.  
Потаённый порыв, к ним так пронзительно  
    Приковав размышления,  
Он проходит, а я — будто умершего  
    Их творца заменяю здесь.  
Час наступит, и сам буду я менее,  
    Строк, живущих во времени,  
Так исписанный лист, мёртвый папирус ли  
    Жизнью более светятся,  
Чем наш разум, и так больше творение,  
    Чем творец, и не властен он  
Над созданием своим, время здесь суд творит.  
    Умираем в бессмертие.  
Могут боги одни длиться и чувствовать.  
    Людям век не вместить того.  
Так богам управлять жизнью бессмертною,  
    Смертной нашею жизнью.  
Так решает Судьба, боги подвластны ей.  
    Что ж, как есть, так и быть должно.

29-01-1921



## XIa

Ведом страх мне, Лидия, перед роком.  
Если камень лёгкий, попав случайно,  
Чуть кренит колёса моей повозки,  
    Падает сердце.  
Всё, что мне грозит переменой малой,  
Даже если к лучшему, мне не мило,  
Пусть позволят боги остаться прежним,  
    Пусть, неизменны,  
Дни мои проходят вослед за днями,  
Тихо, тихо к старости жизнь склоняя,  
Так и день склоняется час за часом  
    К ночи спокойной.

*11-8-1918*

# Примечания

*Первая книга од* — под таким названием и именем Рикарду Рейша Пессоа опубликовал двадцать од в журнале *Athena* (№ 1, октябрь 1924). Это единственная публикация стихов Рейша, увидевшая свет при жизни его создателя. Португальские составители сборников стихотворений Пессоа (и Рейша как самостоятельного автора) воспроизводят её без изменений; мы последовали их примеру — оды даются в той же последовательности и с той же нумерацией, что и в журнале *Athena*.

**I. «Остаюсь на века я, созерцающий...»** — за основу взята ода Горация «К Мельпомене» (*Exegi monumentum aere perennius*; в рус. пер. — «Памятник я воздвиг меди нетленнее...») — заключительная из третьей книги од (Carm. III, 30). В отличие от латинского образца, написанного первой асклепиадовой строфой, Пессоа/Рейш чередует малый асклепиадов стих и гликоной. Те же размеры он использовал и вариантах этой оды (см. Приложение).

**II. «Розы нежных садов, розы Адониса...»** — сочетание двух малых асклепиадовых стихов с гликоноем; в последнем двустиишии — ферекратей второй. (Здесь и далее в наиболее интересных случаях мы указываем стихотворные размеры, чтобы продемонстрировать, как Пессоа имитировал античную метрику.) *Розы Адониса* — Адонис, возлюбленный Афродиты, был убит на охоте вепрем, но по воле богини вернулся из подземного царства и был превращён в цветок. По одной из версий, он стал анемоном, по другой — из его крови выросли розы, а анемон возник из слёз Афродиты.

**III. «Штиль на море; ветрам тихо вздыхается...»** — чередование малого асклепиадова стиха и ферекратея второго.

**IV. «Нам жить — не боле — боги дозволяют...»** — перевёрнутая гиппопактова строфа: ямбический катаlecticкий триметр в сочетании с трохеическим катаlecticким диметром.

**V. «Пусть поцелуй наш каждый...»** — малый аристофанов стих в сочетании с акатаlecticким ферекратеем первым. *Чёлн, что всегда пустым приходит* — лодка Харона, перевозчика душ умерших через реку Стикс (или Ахерон) в Аид, подземное царство мёртвых. Другой вариант перевода этого стихотворения:

Пусть поцелуй наш каждый  
Будет нам как прощальный,  
Хлоя, крепко целуй, если любишь.  
Может, уже коснулась  
Нас та рука и кличет  
В тихий чёлн, что всегда пуст приходит,

Чтобы связать обоих  
Нас, кем с тобою были,

И всеобщий итог прошлых жизней.

**VI. «Есть античный ритм в босоногих плясках...»** — сапфический одиннадцатисложник в сочетании с акаталектическим ферекратегом первым.

**VII. «Разум увлечь высотой и слепо...»** — алкеев десятисложник в сочетании с малым аристофановым стихом.

**VIII. «Краток жизни срок, даже самой длинной...»** — сапфический одиннадцатисложник в сочетании с малым аристофановым стихом.

**IX. «Розами увенчайте...»** — ферекратаей второй и двусложник. Другой вариант перевода:

Пусть венок мне наденут,  
Роз нарвите пунцовых,  
Цветущих —  
Роз, которые блёкнут  
На челе, что увянет  
Столь рано!  
Увенчайте цветами,  
Листьев зеленью краткой.  
И хватит.

**X. «Участь лучшая есть в мире для смертного...»** — малый асклепиадов стих в сочетании с ферекратегом вторым.

**XI. «Страшусь судьбы я, Лидия. Скрыто всё...»** — алкеев одиннадцатисложник в сочетании с акаталектическим ферекратегом первым. В Приложении даётся вариант этой оды, написанный малой сапфической строфой (три малых сапфических стиха и адоний).

**XII. «Цветение твоё — не то, что даришь...»** — ямбический каталектический триметр в сочетании с ферекратегом вторым.

**XIII. «Ах, смотрю я, Неера, поле вижу без края...»** — ферекратаей второй.

**XIV. «Лето приносит цветы, что снова...»** — алкеев десятисложник в сочетании с ферекратегом вторым. *Ad Caeciri manes magistri* — посвящается моему учителю Казйру. *Девять прочных заповор / Стикс закроет за мёртвым* — считается, что река Стикс, протекая по Аиду, делает девять излучин; кроме того, согласно Гесиоду, Стикс представляет собой десятую часть потока, проникающего в подземное царство, остальные девять окружают землю и море. *Город, тот, Улиссом воздвигнут* — имеется в виду Лиссабон, который, согласно легендам, основал на семи холмах Одиссей/Улисс. *Спор старинный / из-за Гомера* — за честь считаться родиной Гомера спорили семь городов: Смирна, Хиос, Колофон, Саламин, Родос, Аргос и Афины.

**XV. «Ты, что пашешь скудную землю или...»** — три сапфических одиннадцатисложника и акаталектический ферекратаей первый.

**XVI. «Твои, а не мои плету гирлянды...»** — перевёрнутая гиппонактова строфа. *Лодочник вечный* — Харон (см. примечание к оде V).

**XVII. «Зря ты веришь, Лидия, снам обманным...»** — малая сапфическая строфа: три сапфических одиннадцатисложника в сочетании с адонием.

**XVIII. «При виде лета цвет его оплакивать...»** — ямбический акаталектический триметр, гликоной и малый архилохов стих.

**XIX. «Надо сдерживать радость...»** — ферекратай второй, затем чередование малых асклепиадовых стихов и гликонеев.

**XX. «Ты думаешь, что верно исполняешь...»** — ямбический каталектический триметр в сочетании с малым архилоховым стихом.

1. **«Прав ты, учитель...»** — адоний. Ода посвящена Алберту Каэйру, которого считали учителем и Рикарду Рейш, и Алвару де Кампуш, и сам Фернандо Пессоа.

2. **«Пан великий не умер...»** — ферекратай второй.

3. **«Боги, кого низвергли...»** — акаталектический ферекратай первый.

4. **«Повозка скрылась Аполлона...»** — алкеев девятисложник в сочетании с адонием. *О богине светлой / Ты мыслишь, той, что выплывает / Из океана* — речь идёт об Эос, в др.-греч. мифологии — богине зари, которая появлялась ранним утром, выходя из океана, и на колеснице, запряжённой прекрасными лошадьми, возносилась на небо.

5. **«Лидия, ты приходи посидеть у реки неширокой...»** — дактилический каталектический гекзаметр в сочетании с дактилическим диметром.

6. **«Будем гулять, Неера...»** — акаталектический ферекратай первый.

7. **«Горы блистают на солнце снегом...»** — алкеев десятисложник в сочетании с малым аристофановым стихом.

8. **«Лишь видеть часто цветы в аллеях...»** — *девять объятий Стикса* — см. примечание к оде XIV.

10. **«Диана сквозь ветви смотрит...»** — *Диана* <...> *ждёт прихода Эндимиона* — Диана в римской мифологии соответствует греческим Артемиде, богине охоты, и Селене, олицетворяющей Луну. *Эндимион* — прекрасный юноша, погружённый в вечный сон. Рассказывалось, что Эндимиона усыпила Селена, чтобы поцеловать его; по другой версии, вечный сон в обмен на вечную молодость даровал ему Зевс, исполняя желание юноши по просьбе Селены; по ещё одной — Зевс усыпил Эндимиона в наказание за то, что тот влюбился в Геру.

11. **«Бледность дня слегка позлагить тщатся лучи, блистая...»** — большая сапфическая строфа.

12. **«Пустыми пусть пребудут руки...»** — алкеев девятисложник. *Перед строгим Миносом-судьёю* — царю Крита Миносу приписывается введение на острове законодательства; по «Одиссее», после смерти он стал судьёй в подземном мире.

14. **«Неера, губы струями омой ты...»** — перевёрнутая гипсонактова строфа.

15. **«Скоро седая зима укроет...»** — *Ave atque vale* — приветствие и прощание (лат.). Это латинское выражение стало названием стихотворения Алджернона Чарлза Суинберна. Также оно входит в название похоронной элегии в честь

Катулла, написанной Альфредом Теннисоном. В 1903 году, ещё в Дурбане, Песоа получил премию памяти королевы Виктории за лучшее эссе на английском языке. Вместе с премией ему вручили небольшое собрание книг, среди которых был и том Теннисона.

16. **«Каждой вещи срок отпускает время...»** — малый сапфический стих в сочетании с акаталектическим ферекратеем первым.

18. **«Свободу лишь такую нам жалуют...»** — алкеев одиннадцатисложник в сочетании с ферекратеем вторым.

21. **«О вы, кто верит во Христа, в Марий...»** — перевёрнутая гиппонактова строфа.

22. **«Из поля, Аполлон, сотворил ты вмиг...»** — два алкеева одиннадцатисложника в сочетании с алкеевым девятисложником и малым аристофановым стихом.

24. **«Не как юницу, пылкую жену ли...»** — элементы гиппонактовой строфы: ямбический каталектический триметр и трагический каталектический диметр.

27. **«Кто над нами парит, боги ли, ангелы...»** — малый асклепиадов стих в сочетании с гликонеем.

28. **«Боги стоят над истиной...»** — Рейш утверждает, что боги знают о Вселенной неизмеримо больше, чем люди, но их истина для простых смертных непостижима. Поэтому не надо пытаться её понять, следует наблюдать за богами, любоваться ими, словно природой и её непостижимыми тайнами. Только так человек обретает мир в самом себе.

29. **«Рукоплескать нельзя пред красою...»** — перевёрнутая гиппонактова строфа.

31. **«Губы вином алеют...»** — малый аристофанов стих.

32. **Игроки в шахматы** — чередование малого асклепиадова стиха и акаталектического ферекратея первого.

33. **«Розы я предпочту, милая, родине...»** — малый асклепиадов стих в сочетании с гликонеем.

35. **«Следуй своей ты судьбе...»** — дактилический диметр.

36. **«Тот счастливец, кому жизнь благосклонная...»** — в этой оде тонкая ирония Рейша заключается в том, что он фактически приравнивает христиан (ревнителей Христа, кто верит только в него) к неверным, говоря о том, что за гробом их ждёт искушение этого греха против забытых ими богов Олимпа.

37. **«Пусть же проходит ветер...»** — малый аристофанов стих.

38. **«Нет, неправда, Христос, что тебя не люблю, что не верю...»** — неполный гекзаметр (первая стопа — хорей) в сочетании со смешанным десятисложником.

39. **«Пред судьбой я, Лидия, страхом мучусь...»** — малая сапфическая строфа.

41. **«Людей Судьба и боги наделяют...»** — модификация гиппонактовой строфы: три ямбических каталектических триметра и трагический каталектический диметр.

42. **«Волны бег свой стремят, волны поспешные...»** — третья асклепиадова строфа: два малых асклепиадовых стиха, ферекратей второй и гликоней.

43. «Ты, утро, восходя, меня не видишь...» — перевёрнутая гипнонактова строфа.

44. «Рано приходит зима к нам, Хлоя...» — сочетание алкеева десятисложника и аристофанова стиха.

45. «В тот момент, когда по лугам цветущим...» — по всей вероятности, ода носит автобиографичный характер и под именем Лидии скрывается Офелия Кейрош, с которой у Пессоа были романтические отношения.

49. «Стих повторит мне...» — малый аристофанов стих.

50. «Ты можешь стать лишь тем, кем был всегда...» — в этой оде Рейш утверждает: человек, как бы ни жаждал, не может достичь ничего, что бы не было предусмотрено ему Судьбой ещё при рождении.

51. «Благо зря я ищу, в коем отказано...» — возможно, страсть обладания, которую внушает автору аромат цветов, относится к поэзии. Рейш мог с помощью такой метафоры отождествить эти цветы, чьё-то наследие, с творениями таких мастеров, как Гораций или Пиндар, мог желать сам создать подобную нетленную красоту.

53. «Мало пространство, что отделяет нас...» — сочетание двух алкеевых одиннадцатисложников, алкеева десятисложника и гликоinea.

54. «Каждый выполнит сам то, что исполнится...» — малый асклепиадов стих в сочетании с гликонеем.

55. «Хочу стихов, что, как драгоценности...» — алкеев одиннадцатисложник в сочетании с гликонеем.

60. «Пчела в полёте трепещет над...» — *Кекропс*, или Кекроп, — по преданию, основатель и первый царь Аттики, рождённый Геей, по другой версии — сын Гефеста.

64. «За листом тотчас лист не падает...» — *De amore suo* — о твоей любви (*лат.*).

67. «Повторяясь, жизни свой лик час за часом...» — Рейш напоминает, что мы в каждое мгновение уже не те же самые, потому что зависим от времени, которое заставляет нас стареть. В финале интересен оксюморон: не пламя нас согревает, но мы согреваем его в чаше холодных ладоней.

74. «Уж надо лбом моим седыми стали...» — *Со мной мне изменяешь* — лирический герой, как и все люди, со временем так меняется, что тот, кто его любит, любит уже не его, а прежнего, умершего в нём юношу. Возможна и ещё одна гипотеза: в оригинале в предыдущей строке говорится: *Por amor não ates*, что дословно можно перевести: «Любовью не любишь». Как отмечал известный грузинский философ Мераб Мамардашвили, во Франции влюбленные, если хотят узнать о сути чувств любимых, спрашивают: «Любишь ли ты меня любовью?» То есть любишь ты меня для себя или для меня? Желает ли ты счастья сначала для себя, а потом уже вспоминаешь о любимом человеке или, наоборот, готов пожертвовать многим, даже собственным счастьем, если это сохранит душевное спокойствие близкого человека?

76. «Вернется ль на ветвь лист оторвавшийся...» — два алкеева одиннадцатисложника в сочетании с алкеевым девятисложником и акаталектическим ферекратеем первым.

77. **«Надежда и не менее напрасное...»** — *В мгновенье ускользающем* — в этой оде Рейш использует латинское слово *labente*, переделывая его как бы на португальский манер — *labento*. Такого слова нет в португальских словарях, это изобретение Пессоа, один из латинизмов Рикарду Рейша. Его значение: *мимо-летное, эфемерное, непостоянное*. Это слово расположено в том же семантическом поле, что и *ускользающий, преходящий, недолговечный*. Вероятно, латинское *labente* происходит от причастия *labens* (скользящий) или от *lapsus* (падение, скольжение). Например, когда Вергилий говорит о *labente anno*, имеется в виду, что «год подходит к концу». Латинское окончание *-ens* в общем случае дает *-ente* на португальском языке.

83. **«Не молит ни о чём твоих рук мрамор...»** — перевёрнутая гиппонактова строфа.

84. **«Коль увижу: листья блестят под солнцем...»** — сапфический одиннадцатисложник в сочетании с акаталектическим ферекратеом первым.

86. **«Тиха волна, оставлена отливом...»** — перевёрнутая гиппонактова строфа.

87. **«Многие радость вкушают от радости...»** — дактилический акаталектический тетраметр в сочетании с гликонеом.

88. **«Расцветает ты вновь красками чудными...»** — малый асклепиадов стих в сочетании акаталектическим ферекратеом первым.

90. **«Сон хорош: нам сладко, проснувшись, видеть...»** — сапфический одиннадцатисложник в сочетании с акаталектическим ферекратеом первым.

91. **«На травах след недолгий ушедшего...»** — алкеев одиннадцатисложник в сочетании с гликонеом.

92. **«Для каждой шеи палачом неведомым...»** — ямбический акаталектический триметр в сочетании с акаталектическим ферекратеом первым.

95. **«Блаженство и мысли о нём — сладость двойная...»** — эта мысль Рейша — о двойном удовольствии: когда его получаешь и когда вспоминаешь о нём. Подобную мысль высказывает Бернарду Суареш / Фернандо Пессоа в «Книге непокоя»: «Если мне скажут, что продолжаться после того, как окончишь свои дни, удовольствие сомнительное, отвечу, во-первых, что мне неизвестно, существует ли оно, во-вторых, что я не знаю ничего о жизни после смерти; ответил бы ещё, что удовольствие от будущей славы — это удовольствие сегодняшнего дня, а будущей является только слава».

98. **«Здесь, в кронах густолиственных деревьев...»** — в этой оде ярко проявляется различие между Рикарду Рейшем и Альберту Каэиру. Каэиру говорил о ненужности размышления, он хотел уйти от реальности, слиться с природой, не мыслить. Рейш не уходит от жизни, он размышляет о ней, оставаясь в ней. В этом и смелость, и риск. Он не избегает одиночества наблюдателя.

100. **«Всё уходящее — смерть, и если...»** — алкеев десятисложник в сочетании с ферекратеом вторым.

102. **«Справедливо судьба всех оделяет нас...»** — малый асклепиадов стих в сочетании с гликонеом.

105. **«Откажи во всём, но участь мою поведай мне...»** — в этой оде Рейш укоряет высшие силы в том, что человек не может знать своей судьбы, хотя и принимает её. Интересно, что эта же мысль есть и в стихах Алберту Каэйру.

113. **«Мы чувствуем не то, что есть, но только...»** — Рейш говорит, что зима на земле сближает людей, но боится зимы в человеческом сознании, ибо она приводит к холоду в отношениях, к отчуждению от людей. Сравнивая жизнь человеческую с кратковременным очагом, он утверждает, что главное в ней — тепло человеческих отношений, дружба, любовь. Всем этим Фернандо Пессоа был обделён в жизни.

117. **«Разве только врагам, нас ненавидящим...»** — малый асклеиадов стих в сочетании с архилоховым стихом.

121. **«Боги и мессии, тоже боги...»** — португальский литературовед Нуну Иполиту в пояснениях к этой оде даёт интересное определение поэзии Рейша: его анализ повернут внутрь, его диалоги иллюзорны, а поэзия служит для того, чтобы исчезнуть, так что остаётся один только разум. Рейш представляет нам жестокую действительность в совершенной форме, которая порой кажется абсолютно холодной. Мечта, сталкиваясь с жизнью, умирает. Вот зачем нужно не-действие.

122. **«Отрекаюсь от желания, коль оно...»** — Рейш приветствует то, что дано. Большого не надо. Этот принцип — залог внутреннего мира.

128. **«Если для каждой вещи есть свой бог...»** — по мнению Нуну Иполиту, противоречие между внешним и внутренним — один из главных принципов нового язычества, философии одновременно классической и новаторской, которую Рейш внёс в мышление модернизма. Эта философия порождена не разумом, а скорее необходимостью. Быть богом для себя самого — странное сходство с более поздним экзистенциализмом, например Жан-Поля Сартра. Именно противоречие между внешним и внутренним, которое человек чувствует, и отличает его от скотоподобных людей. Обладать душой, по Рейшу, значит обладать сознанием (знанием) о себе самом. В оде 107 тоже проявляются общие черты философии Рейша и Сартра — экзистенциальная тоска, а в 134 — общее в их взглядах на любовь.

133. **«Спокойный, жди конца, который близок...»** — в стихах Рейша, как и самого Пессоа, часто возникает образ порта — последней гавани. Здесь Рейш разъясняет эту метафору: выбери свой порт — самого себя, собственный внутренний мир. Всё, что мы можем знать, — внутри нас, а не вовне.

141. **«Чтоб стать великим, цельным будь, будь искренним...»** — ямбический акаталектический триметр в сочетании с гликоном.

142. **«Всё, что делаешь ты, делай божественно...»** — чередование малого асклеиадова стиха и гликоinea.

144. **«Неизвестный и спокойный...»** — в 1910 году Пессоа писал: «Ждать лучшего — это готовиться потерять его. В пессимизме — источник энергии».

146. **«Раз уж нет того, что бы длилось или...»** — малый сапфический стих в сочетании с акаталектическим ферекратеем первым.



147. «Ты одинок. Притворяйся молча...» — чередование алкеева десяти-  
сложника и ферекратея второго.

148. «В этой ссылке, ставшей горчайшей карой...» — малый сапфический  
стих в сочетании с акаталектическим ферекратеем первым.

149. «Эти, взором своим в прошлом затеряны...» — вторая асклеиадова  
строфа: три малых асклеиадовых стиха и гликоной.

150. «Поданный слабый светил надменных...» — алкеев десятисложник  
в сочетании с акаталектическим ферекратеем первым.

159. «Оставим знанье, Лидия, может ли...» — алкеев одиннадцатислож-  
ник в сочетании с ферекратеем вторым.

160. «Бегство дня так нежно сегодня длится...» — малый сапфический  
одиннадцатисложник в сочетании с ферекратеем вторым.

161. «Право, я не из тех, кто предпочтение...» — вторая асклеиадова  
строфа.

163. «Беспрерывным и текучим пусть будет...» — по мнению Нуну Ипо-  
литу, в этой оде обожествляются смертные и очеловечиваются боги, в резуль-  
тате чего боги приближаются к людям.

164. «Одно моё движение...» — по мнению португальских критиков, Рейш  
творит богов, чтобы они создали человека. Он понимает необходимость богов,  
так как человек не должен оставаться в экзистенциальном одиночестве, и соз-  
даёт разумную религию, над которой человек возвышается, которая его не уг-  
нетает. Так человек может сосредоточиться на более высокой цели — внутрен-  
нем освобождении.

167. «Не затем, что боги мертвы, Лидия, сокрушаюсь...» — модифици-  
рованная большая сапфическая строфа: три больших сапфических стиха и  
малый аристофанов стих.

174. «Без клепсидры время выливается, и мы уходим...» — в этой оде  
Рейш ещё раз повторяет мысль о том, что Судьба стоит над богами. *Судья-плен-  
ник* — вероятно, время, которое тоже подчиняется Судьбе.

176. «Под теми, этими ли деревьями...» — чередование алкеева одинад-  
цатисложника и акаталектического ферекратея первого.

# Алфавитный указатель

- «Ах, смотрю я, Неера...» 39  
Olho os campos, Neera...
- «Бегство дня так нежно сегодня длится...» 220  
É tão suave a fuga deste dia...
- «Бедные мы, ведь теряем всё мы...» 60  
Pobres de nós que perdemos quanto...
- «Без клепсидры время выливается, и мы уходим...» 235  
Sem clepsidra ou sem relógio o tempo escorre...
- «Бесперывным и текучим пусть будет...» 224  
Ininterrupto e fluido que o teu curso...
- «Бесславна жизнь, и знать её бесславно...» 156  
Inglória é a vida, e inglório o conhecê-la...
- «Благо зря я ищю, в коем отказано...» 110  
Em vão procuro o bem que me negaram...
- «Блаженство и мысли о нём — сладость двойная...» 154  
Dois é o prazer: gozar e o gozã-lo...
- «Бледность дня слегка позлатит тщатся лучи, блистая...» 62  
A palidez do dia é levemente dourada...
- «Боги и мессии, тоже боги...» 180  
Os deuses e os Messias que são deuses...
- «Боги, кого низвергли...» 52  
Os deuses desterrados...
- «Боги стоят над истиной...» 82  
Acima da verdade estão os deuses...
- «Будем гулять, Неера...» 56  
Neera, passeemos juntos...
- «Буду спать, спать, спать...» 152  
Vou dormir, dormir, dormir...
- «Будь фонарём, свети сквозь стекло...» 165  
Sê lanterna, sê luz com vidro em torno...
- «Ваша чудесная юность весёлая...» 116  
Vossa formosa juventude leda...
- «В великий день даже звуки светлые...» 230  
No magno dia até os sons são claros...
- «Ведом страх мне, Лидия, перед роком...» 240  
Sofro, Lídia, do medo do destino...

- «Велик идущий вперёд шаг за шагом...» 130  
 Maior é quem a passo e passo avança...
- «Вернётся ль на ветвь лист оторвавшийся...» 135  
 Não torna ao ramo a folha que o deixou...
- «Властуй или молчи. Ничего не теряешь...» 184  
 Domina ou cala. Não te percas, dando...
- «В мире всё вращается в круге вечном...» 131  
 No ciclo eterno das mudáveis coisas...
- «В нас живут мириады...» 213  
 Vivem em nós inúmeros...
- «В огромном просторе, где нет ничего из того...» 229  
 No grande espaço de não haver nada...
- «Волны бег свой стремят, волны поспешные...» 101  
 Uma após uma as ondas apresadas...
- «Воображаемый восторг — реален...» 138  
 Gozo sonhado é gozo, ainda que em sonho...
- «Всё, от далёких планет и до нас...» 185  
 Tudo, desde ermos astros afastados...
- «Всё уходящее — смерть, и если...» 159  
 Tudo que cessa é morte, e a morte é nossa...
- «Всё, что делаешь ты, делай божественно...» 201  
 Quanto faças, supremamente faze...
- «Всё, что проходит, проходит так рано!..» 124  
 Tão cedo passa tudo quanto passa!..
- «Вся эта жизнь — не более, чем игра...» 199  
 Que mais que um ludo ou jogo é a extensa vida...
- «В тот момент, когда по лугам цветущим...» 104  
 No momento em que vamos pelos prados...
- «Вы скажете: в могиле, мне памятной...» 144  
 Aqui, dizeis, na cova a que me abeiro...
- «В этой ссылке, ставшей горчайшей карой...» 207  
 Aqui, neste misérrimo desterro...
- «Гирлянда ли, корона...» 210  
 Grinalda ou coroa...
- «Горечь, печали смятением душат...» 134  
 Quanta tristeza e amargura afoga...
- «Горы блистают на солнце снегом...» 57  
 Ao longe os montes tem neve ao sol...
- «Губы вином алеют...» 86  
 Bocas roxas de vinho...

- «Двенадцать месяцев всего пройдут...» 169  
 No breve número de doze meses...
- «Делать из незнания науку...» 105  
 Fazer da ignorância uma ciência
- «День потерян, коль он прожит без радости...» 204  
 Cada dia sem gozo não foi teu...
- «Диана сквозь ветви смотрит...» 61  
 Diana através dos ramos...
- «Для богов вещи — более, чем вещи...» 194  
 Para os deuses as cousas são mais cousas...
- «Для каждой шеи палачом неведомым...» 151  
 Pese a sentença atroz do algoz ignoto...
- «До нас так было: в этих же дубровах...» 80  
 Antes de nós nos mesmos arvoredos...
- «Если для каждой вещи есть свой бог...» 187  
 Se a cada coisa que há um deus compete...
- «Если меня вы...» 84  
 Tirem-me os deuses...
- «Если ты будешь тем, что оплакиваешь...» 234  
 Se há-de ser o que choras...
- «Есть античный ритм в босоногих плясках...» 32  
 O ritmo antigo que há em pés descalços...
- «Жду, спокойный, того, чего не знаю...» 211  
 guardo, equânime, o que não conheço...
- «Живи без часов. Измерения беспокоят...» 197  
 Vive sem horas. Quanto mede pesa...
- «Завтра эти буквы о моей любви к тебе...» 106  
 Amanhã estas letras em que te amo...
- «За днями дни, а жизнь всё та же...» 120  
 Dia após dia a mesma vida é a mesma...
- «За листом тотчас лист не падает...» 123  
 Folha após folha nem caem...
- «Здесь, в кронах густолиственных деревьев...» 157  
 Nos altos ramos de árvores frondosas...
- «Здесь, Неера, далёко...» 72  
 Aqui, Neera, longe...
- «Зря ты веришь, Лидия, снам обманным...» 43  
 Não queiras, Lídia, edificar no espaço...

- Игроки в шахматы («Это было, когда давняя Персия...») 87  
 Os jogadores de xadrez (Ouvi contar que outrora, quando a Pérsia...)  
 «Из нашего подобию богам...» 70  
 Da nossa semelhança com os deuses...  
 «Из наших взглядов вера происходит...» 148  
 Toda visão da crença se acompanha...  
 «Из поля, Аполлон, сотворил ты вмиг...» 76  
 Neste dia em que os campos são de Apolo...  
 «И о жалкой траве помнит Судьба...» 162  
 Nem da erva humilde se o Destino esquece...
- «Каждой вещи срок отпускает время...» 68  
 Cada coisa a seu tempo tem seu tempo...  
 «Каждый выполнит сам то, что исполнится...» 113  
 Cada um cumpre o destino que lhe cumpre...  
 «Каждый — особый мир; и как в источнике каждом...» 215  
 Cada um é um mundo; e como em cada fonte...  
 «Какою жизнью я наполню краткие...» 129  
 Com que vida encherei os poucos breves...  
 «Как то дитя, увенчанное лавром...» 217  
 Como este infante que alourado dorme...  
 «Кем был я — мне чужой. Его я вижу...» 171  
 Quem fui é externo a mim. Se lembro, vejo...  
 «Когда рассказываю, я серьезен...» 190  
 Severo narro. Quanto sinto, penso...  
 «Коль вспоминаю, другим себя вижу я...» 166  
 Se recordo quem fui, outrem me vejo...  
 «Коль увижу: листья блестят под солнцем...» 143  
 Enquanto eu vir o sol luzir nas folhas...  
 «Короткую сознательную жизнь...» 121  
 Pequena vida consciente, sempre...  
 «Краток жизни срок, даже самой длинной...» 34  
 Quão breve tempo é a mais longa vida...  
 «Кто дню говорит: “Продлись!” — и тьме: “Уйди!” ...» 163  
 Quem diz ao dia, Dura! e à treva, Acaba!..  
 «Кто над нами парит, боги ли, ангелы...» 81  
 Anjos ou deuses, sempre nós tivemos...  
 «Кто я — вспоминать, знать я не хочу...» 118  
 Não quero recordar nem conhecer-me...
- «Лето приносит цветы, что снова...» 40  
 De novo traz as aparentes novas...  
 «Лидия, ты приходи посидеть у реки неширокой...» 55  
 Vem sentar-te comigo, Lídia, à beira do rio...

- «Лишь видеть часто цветы в аллеях...» 58  
Só o ter flores pela vista fora...
- «Люблю цветы, но не ищу. Случайно...» 191  
Flores amo, não busco. Se aparecem...
- «Людей Судьба и боги наделяют...» 99  
Não sem lei, mas segundo leis diversas...
- «Мало пространство, что отделяет нас...» 112  
Pequeno é o espaço que de nós separa...
- «Мало хочешь — всё имеешь...» 175  
Quer pouco: terá tudo...
- «Мне неведомо, любовь ли, притворство...» 174  
Não sei se é amor que tens, ou amor que finges...
- «Многие радость вкушают от радости...» 146  
Quantos gozam o gozo de gozar...
- «Мрак на землях Цереры...» 79  
Em Ceres anoitece...
- «Мы чувствуем не то, что есть, но только...» 172  
O que sentimos, não o que é sentido...
- «Надежда и не менее напрасное...» 136  
Nem vã esperança nem, não menos vã...
- «Надо ли всё усложнять бесполезно...» 196  
Para quê complicar inutilmente...
- «Надо сдерживать радость...» 45  
Prazer, mas devagar...
- «Над плодородной пажитью торжественно...» 140  
Solene passa sobre a fértil terra...
- «Нам жить — не боле — боги дозволяют...» 30  
Não consentem os deuses mais que a vida...
- «На солнечных часах, давно негодных...» 139  
O relógio de sol partido marca...
- «На травах след недолгий ушедшего...» 150  
O gastro breve que das ervas moles...
- «Не более продуманная, чем жизнь животных...» 226  
Não mais pensada que a dos mudos brutos...
- «Не вернётся назад к нам злополучное...» 127  
Não torna atrás a negregada prole...
- «Не воротится, не обернёт Орфеем...» 141  
Atrás não torna, nem, como Orfeu, volve...
- «Недолог день и год, и всё недолго...» 183  
Breve o dia, breve o ano, breve tudo...
- «Неера, губы струями омой ты...» 65  
Quero, Neera, que os teus lábios laves...

- «Нежный, будто Эолом забытый...» 168  
 Ténue, como se de Éolo a esquecessem...
- «Не затем, что боги мертвы, Лидия, сокрушаюсь...» 228  
 Não porque os deuses findaram, alva Lídia, choro...
- «Не знаю, чьё прошлое я вспоминаю...» 170  
 Não sei de quem memoro meu passado...
- «Неизвестный и спокойный...» 203  
 Quero ignorado, e calmo...
- «Не как юницу, пылкую жену ли...» 78  
 Não como ante donzela ou mulher viva...
- «Не молит ни о чём твоих рук мрамор...» 142  
 A nada imploram tuas mãos já coisas...
- «Не надо мне, Хлоя, твоей любви...» 177  
 Não quero, Cloé, teu amor, que oprime...
- «Не надо славы мне, её разделит...» 111  
 Não quero a fama, que comigo a têm...
- «Нет Аполлона, кроме Аполлона...» 77  
 Aqui, sem outro Apolo do que Apolo...
- «Нет, неправда, Христос, что тебя не люблю, что не верю...» 96  
 Não a ti, Cristo, odeio ou te não quero...
- «Не умерли, Неера, старые боги...» 227  
 Não morreram, Neera, os velhos deuses...
- «Никогда чужую волю, пусть приятную...» 178  
 Nunca a alheia vontade, inda que grata...
- «Никто в огромном верующем мире...» 186  
 Ninguém, na vasta selva religiosa...
- «Никто не любит другого, но в нём...» 193  
 Ninguém a outro ama, senão que ama...
- «Ничего не остаётся от ничего...» 198  
 Nada fica de nada. Nada somos...
- «Ночь воспеть не хочу: в этих созвучиях...» 117  
 Não canto a noite porque no meu canto...
- «О вы, кто верит во Христа, в Марий...» 74  
 Vós que crentes em Cristos e Marias...
- «Одно моё движение...» 225  
 Meu gesto que destrue...
- «Опаздывает лето. Мало солнца...» 160  
 Tarda o verão. No campo tributário...
- «Оставим знание, Лидия, может ли...» 218  
 Deixemos, Lídia, a ciência que não põe...
- «Остаюсь на века я, созерцающий...» 27; 238 (вар. Ia); 239 (вар. Ib)  
 Seguro assento na coluna firme...

- «Откажи во всём, но участь мою поведай мне...» 164  
 Negue-me tudo a sorte, menos vê-la...
- «Отрекаюсь от желания, коль оно...» 181  
 Do que quero renego, se o querê-lo...
- «Пан великий не умер...» 51  
 O deus Pá não morreu...
- «Песни, смех и цветы освещают...» 216  
 Cantos, risos e flores alumiem...
- «Пламя ночной лампы...» 73  
 Da lâmpada nocturna...
- «Плоды — приносит нам их жизнь деревьев...» 137  
 Frutos, dão-os as árvores que vivem...
- «Повозка скрылась Аполлона...» 54  
 De Apolo o carro rodou pra fora...
- «Повторяясь, жизни свой лик час за часом...» 126  
 Hora a hora não dura a face antiga...
- «Подданный слабый светил надменных...» 209  
 Súbdito inútil de astros dominantes...
- «Под защитой непрочной...» 236  
 Sob a leve tutela...
- «Под теми, этими ли деревьями...» 237  
 Sob estas árvores ou aquelas árvores...
- «Ползёт по пустынным полям...» 202  
 Rasteja mole pelos campos ermos...
- «Потерян каждый момент — без удовольствия...» 214  
 Cada momento que a um prazer não voto...
- «Право, я не из тех, кто предпочтению...» 222  
 Eu nunca fui dos que a um sexo o outro...
- «Прав ты, Учитель...» 49  
 Mestre, são plácidas...
- «Перед судьбой я, Лидия, страхом мучусь...» 97  
 Sofro, Lidia, do medo do destino...
- «При виде лета цвет его оплакивать...» 44  
 Saudoso já deste Verão que vejo...
- «Прошу богов я только о едином...» 195  
 Aos deuses peço só que me concedam...
- «Пустыми пусть пребудут руки...» 63  
 Não tenhas nada nas mãos...
- «Пусть боги забудут обо мне...» 233  
 Quero dos deuses só que me não lembrem...
- «Пусть же проходит ветер...» 95  
 Deixa passae o vento...



- «Пусть поцелуй наш каждый...» 31  
 Como se cada beijo...
- «Пусть приходит, Лидия, наша осень...» 167  
 Quando, Lídia, vier o nosso Outono...
- «Пчела в полёте трепещет над...» 119  
 A abelha que, voando, freme sobre...
- «Разве только вино? Лью я забвение...» 132  
 Não só vinho, mas nele o olvido, deito...
- «Разве только врагам, нас ненавидящим...» 176  
 Não só quem nos odeia ou nos inveja...
- «Раз уж нет того, что бы длилось или...» 205  
 Pois que nada que dure, ou que, durando...
- «Разум увлечь высотой и слепо...» 33  
 Ponho na altiva mente o fixo esforço...
- «Рано приходит зима к нам, Хлюя...» 103  
 cedo vem sempre, Cloe, o inverno, e a dor...
- «Раньше тебя была Мать Земля — рабыня...» 128  
 Antes de ti era a Mãe Terra escrava...
- «Расцветает ты вновь красками чудными...» 147  
 Floresce em ti, ó magna terra, em cores...
- «Розами увенчайте...» 35  
 Coroai-me de rosas...
- «Розы нежных садов, розы Адониса...» 28  
 As rosas amo dos jardins de Adónis...
- «Розы я предпочту, милая, родине...» 91  
 Prefiro rosas, meu amor, à pátria...
- «Рукоплескать нельзя пред красою...» 83  
 Não batas palmas diante da beleza...
- «Свободу лишь такую нам жалуют...» 71  
 Só esta liberdade nos concedem...
- «Себе будь господином ты...» 98  
 Sê o dono de ti...
- «Сини те горы, что тают вдали...» 188  
 Azuis os montes que estão longe param...
- «Скоро седая зима укроет...» 67  
 Breve o inverno virá com sua branca...
- «Слабое в пороках и в добродетели...» 173  
 Débil no vício, débil na virtude...
- «Сладок плод глазу — на вкус он горек...» 153  
 Doce é o fruto à vista, e à boca amaro...
- «Следуй своей ты судьбе...» 93  
 Segue o teu destino...

- «Соберись — и получишь спокойную силу...» 155  
 Concentra-te, e serás sereno e forte...
- «Сон хорош: нам сладко, проснувшись, видеть...» 149  
 O sono é bom pois despertamos dele...
- «Спокойный, жди конца, который близок...» 192  
 Sereno aguarda o fim que pouco tarda...
- «Справедливо судьба всех оделяет нас...» 161  
 A cada qual, como a estatura, é dada...
- «С собой самим лишь в мире оставлен я...» 179  
 No mundo, só comigo, me deixaram...
- «Стих повторит мне...» 108  
 Um verso repete...
- «Страшусь судьбы я, Лидия. Скрыто всё...» 37  
 Temo, Lídia, o destino. Nada é certo...
- «Твои, а не мои плету гирлянды...» 42  
 Tuas, não minhas, teço estas grinaldas...
- «Тем, кто ты есть, ты не будешь: в другого...» 182  
 Quem és, não o serás, que o tempo e a sorte...
- «Те счастливы, кто под деревьев шёпот...» 92  
 Felizes, cujos corpos sob as árvores...
- «Тиха волна, оставлена отливом...» 145  
 Lenta, descansa a onda que a maré deixa...
- «Тот лишь мудрец, кто всегда зрелищем мира доволен...» 64  
 Sábio é o que se contenta com o espectáculo do mundo...
- «Тот счастливец, кому жизнь благосклонная...» 94  
 Feliz aquele a quem a vida grata...
- «Ты думаешь, что верно исполняешь...» 46  
 Cuidas, invio, que cumpres, apertando...
- «Ты закон исполняй, низок ли он иль нет...» 107  
 Cumpre a lei, seja vil ou vil tu sejas...
- «Ты можешь стать лишь тем, кем был всегда...» 109  
 Tornar-te-ás só quem tu sempre foste...
- «Ты одинок. Притворяйся молча...» 206  
 Estás só. Ninguém o sabe. Cala e finge...
- «Ты собери однажды...» 122  
 De uma só vez recolhe...
- «Ты, утро, восходя, меня не видишь...» 102  
 Manhã que raias sem olhar a mim...
- «Ты, что пашешь скудную землю или...» 41  
 Este, seu escasso campo ora lavrando...
- «У других ведут рассказ арфы и лиры...» 231  
 Outros com liras ou com harpas narram...

- «Уж надо лбом моим седыми стали...» 133  
Já sobre a fronte vã se me acinenta...
- «У нищего кольцо — несправедливость...» 158  
O anel dado ao mendigo é injúria, e a sorte...
- «Участь лучшая есть в мире для смертного...» 36  
Melhor destino que o de conhecer-se...
- «Хочу стихов, что, как драгоценности...» 114  
Quero versos que sejam como jóias...
- «Цветение твоё — не то, что даришь...» 38  
A flor que és, não a que dás, eu quero...
- «Цветы, срываю вас я, нет ли...» 223  
Flores que colho, ou deixo...
- «Четырежды сменились сезоны мнимые...» 232  
Quatro vezes mudou a estação falsa...
- «Чтоб стать великим, цельным будь, будь искренним...» 200  
Para ser grande, sê inteiro: nada...
- «Что мы знаем, Лидия? Мы чужеземцы...» 189  
Lídia, ignoramos. Somos estrangeiros...
- «Штиль на море; ветрам тихо вздыхается...» 29  
O mar jaz; gemem em segredo os ventos...
- «Эти, взором своим в прошлом затеряны...» 208  
Uns, com os olhos postos no passado...
- «Это было, когда давняя Персия...» (Игроки в шахматы) 87  
Ouvi contar que outrora, quando a Pérsia... (Os jogadores de xadrez)
- «Я даров не желаю...» 115  
Não quero as oferendas...
- «Я люблю то, что вижу, ведь я перестану...» 212  
Ato o que vejo porque deixarei...
- «Я не стану искать знание о будущем...» 125  
Não inquiri do anónimo futuro...

# Содержание

*Ирина Феценко-Скворцова*

Фернандо Пессоа / Рикардо Рейш:

мудрость и печаль на пути к свободе ..... 5

## Первая книга од

I. «Остаюсь на века я, созерцающий...»	27
II. «Розы нежных садов, розы Адониса...»	28
III. «Штиль на море; ветрам тихо вздыхается...»	29
IV. «Нам жить — не боле — боги дозволяют...»	30
V. «Пусть поцелуй наш каждый...»	31
VI. «Есть античный ритм в босоногих плясках...»	32
VII. «Разум увлечь высотой и слепо...»	33
VIII. «Краток жизни срок, даже самой длинной...»	34
IX. «Розами увенчайте...»	35
X. «Участь лучшая есть в мире для смертного...»	36
XI. «Страшусь судьбы я, Лидия. Скрыто всё...»	37
XII. «Цветение твоё — не то, что даришь...»	38
XIII. «Ах, смотрю я, Неера...»	39
XIV. «Лето приносит цветы, что снова...»	40
XV. «Ты, что пашешь скудную землю или...»	41
XVI. «Твои, а не мои плету гирлянды...»	42
XVII. «Зря ты веришь, Лидия, снам обманным...»	43
XVIII. «При виде лета цвет его оплакивать...»	44
XIX. «Надо сдерживать радость...»	45
XX. «Ты думаешь, что верно исполняешь...»	46

## Оды и другие стихотворения

1. «Прав ты, Учитель...»	49
2. «Пан великий не умер...»	51
3. «Боги, кого низвергли...»	52
4. «Повозка скрылась Аполлона...»	54
5. «Лидия, ты приходи...»	55
6. «Будем гулять, Неера...»	56
7. «Горы блистают на солнце снегом...»	57
8. «Лишь видеть часто цветы в аллеях...»	58
9. «Бедные мы, ведь теряем всё мы...»	60

10. «Диана сквозь ветви смотрит...»	61
11. «Бледность дня слегка позлатить...»	62
12. «Пустыми пусть пребудут руки...»	63
13. «Тот лишь мудрец, кто всегда...»	64
14. «Неера, губы струями омой ты...»	65
15. «Скоро седая зима укроет...»	67
16. «Каждой вещи срок отпускает время...»	68
17. «Из нашего подобия богам...»	70
18. «Свободу лишь такую нам жалуют...»	71
19. «Здесь, Неера, далёко...»	72
20. «Пламя ночной лампы...»	73
21. «О вы, кто верит во Христа, в Марий...»	74
22. «Из поля, Аполлон, сотворил ты вмиг...»	76
23. «Нет Аполлона, кроме Аполлона...»	77
24. «Не как юницу, пыльную жену ли...»	78
25. «Мрак на землях Цереры...»	79
26. «До нас так было: в этих же дубровах...»	80
27. «Кто над нами парит, боги ли, ангелы...»	81
28. «Боги стоят над истиной...»	82
29. «Рукоплескать нельзя пред красотой...»	83
30. «Если меня вы...»	84
31. «Губы вином алеют...»	86
32. Игроки в шахматы	87
33. «Розы я предпочту, милая, родине...»	91
34. «Те счастливы, кто под деревьев шёпот...»	92
35. «Следуй своей ты судьбе...»	93
36. «Тот счастливец, кому жизнь благосклонная...»	94
37. «Пусть же проходит ветер...»	95
38. «Нет, неправда, Христос...»	96
39. «Пред судьбой я, Лидия, страхом мучусь...»	97
40. «Себе будь господином ты...»	98
41. «Людей Судьба и боги наделяют...»	99
42. «Волны бег свой стремят, волны поспешные...»	101
43. «Ты, утро, восходя, меня не видишь...»	102
44. «Рано приходит зима к нам, Хлоя...»	103
45. «В тот момент, когда по лугам цветущим...»	104
46. «Делать из незнания науку...»	105
47. «Завтра эти буквы о моей любви к тебе...»	106
48. «Ты закон исполняй, низок ли он иль нет...»	107
49. «Стих повторит мне...»	108
50. «Ты можешь стать лишь тем, кем был всегда...»	109
51. «Благо зря я ишу, в коем отказано...»	110
52. «Не надо славы мне, её разделит...»	111
53. «Мало пространство, что отделяет нас...»	112
54. «Каждый выполнит сам то, что исполнится...»	113

55. «Хочу стихов, что, как драгоценности...»	114
56. «Я даров не желаю...»	115
57. «Ваша чудесная юность весёлая...»	116
58. «Ночь воспеть не хочу: в этих созвучиях...»	117
59. «Кто я — вспоминать, знать я не хочу...»	118
60. «Пчела в полёте трепещет над...»	119
61. «За днями дни, а жизнь — всё та же...»	120
62. «Короткую сознательную жизнь...»	121
63. «Ты собери однажды...»	122
64. «За листом тотчас лист не падает...»	123
65. «Всё, что проходит, проходит так рано!..»	124
66. «Я не стану искать знанье о будущем...»	125
67. «Повторяясь, жизни свой лик час за часом...»	126
68. «Не вернётся назад к нам злополучное...»	127
69. «Раньше тебя была Мать Земля — рабыня...»	128
70. «Какою жизнью я наполню краткие...»	129
71. «Велик идущий вперёд шаг за шагом...»	130
72. «В мире всё вращается в круге вечном...»	131
73. «Разве только вино? Лью я забвение...»	132
74. «Уж надо лбом моим семью стали...»	133
75. «Горечь, печали смятением душат...»	134
76. «Вернётся ль на ветвь лист оторвавшийся...»	135
77. «Надежда и не менее напрасное...»	136
78. «Плоды — приносит нам их жизнь деревьев...»	137
79. «Воображаемый восторг — реален...»	138
80. «На солнечных часах, давно негодных...»	139
81. «Над плодородной пажитью торжественно...»	140
82. «Не воротится, не обернёт Орфеем...»	141
83. «Не молит ни о чём твоих рук мрамор...»	142
84. «Коль увижу: листья блестят под солнцем...»	143
85. «Вы скажете: в могиле, мне памятной...»	144
86. «Тиха волна, оставлена отливом...»	145
87. «Многие радость вкушают от радости...»	146
88. «Расцветает ты вновь красками чудными...»	147
89. «Из наших взглядов вера происходит...»	148
90. «Сон хорош: нам сладко, проснувшись, видеть...»	149
91. «На травах след недолгий ушедшего...»	150
92. «Для каждой шеи палачом неведомым...»	151
93. «Буду спать, спать, спать...»	152
94. «Сладок плод глазу — на вкус он горек...»	153
95. «Блаженство и мысли о нём...»	154
96. «Соберись — и получишь спокойную силу...»	155
97. «Бесславна жизнь, и знать её бесславно...»	156
98. «Здесь, в кронах густолиственных деревьев...»	157
99. «У ничего кольцо — несправедливость...»	158

100. «Всё уходящее — смерть, и если...»	159
101. «Опаздывает лето. Мало солнца...»	160
102. «Справедливо судьба всех оделяет нас...»	161
103. «И о жалкой траве помнит Судьба...»	162
104. «Кто дню говорит: "Продлись!"...»	163
105. «Откажи во всём, но участь мою...»	164
106. «Будь фонарём, свети сквозь стекло...»	165
107. «Коль вспоминаю, другим себя вижу я...»	166
108. «Пусть приходит, Лидия, наша осень...»	167
109. «Нежный, будто Эолом забытый...»	168
110. «Двенадцать месяцев всего пройдут...»	169
111. «Не знаю, чьё прошлое я вспоминаю...»	170
112. «Кем был я — мне чужой. Его я вижу...»	171
113. «Мы чувствуем не то, что есть, но только...»	172
114. «Слабое в пороках и в добродетели...»	173
115. «Мне неведомо, любовь ли, притворство...»	174
116. «Мало хочешь — всё имеешь...»	175
117. «Разве только врагам, нас ненавидящим...»	176
118. «Не надо мне, Хлоя, твоей любви...»	177
119. «Никогда чужую волю, пусть приятную...»	178
120. «С собой самим лишь в мире оставлен я...»	179
121. «Боги и мессии, тоже боги...»	180
122. «Отрекаюсь от желания, коль оно...»	181
123. «Тем, кто ты есть, ты не будешь: в другого...»	182
124. «Недолг день и год, и всё недолго...»	183
125. «Властвуй или молчи. Ничего не теряешь...»	184
126. «Всё, от далёких планет и до нас...»	185
127. «Никто в огромном верующем мире...»	186
128. «Если для каждой вещи есть свой бог...»	187
129. «Сини те горы, что тают вдали...»	188
130. «Что мы знаем, Лидия? Мы чужеземцы...»	189
131. «Когда рассказываю, я серьёзен...»	190
132. «Люблю цветы, но не ищу. Случайно...»	191
133. «Спокойный, жди конца, который близок...»	192
134. «Никто не любит другого, но в нём...»	193
135. «Для богов вещи — более, чем вещи...»	194
136. «Прошу богов я только о едином...»	195
137. «Надо ли всё усложнять бесполезно...»	196
138. «Живи без часов. Измерения беспокоят...»	197
139. «Ничего не остаётся от ничего...»	198
140. «Вся эта жизнь — не более, чем игра...»	199
141. «Чтоб стать великим, цельным будь...»	200
142. «Всё, что делаешь ты, делай божественно...»	201
143. «Ползёт по пустынным полям...»	202
144. «Неизвестный и спокойный...»	203

145. «День потерян, коль он прожит без радости...»	204
146. «Раз уж нет того, что бы длилось или...»	205
147. «Ты одинок. Притворяйся молча...»	206
148. «В этой ссылке, ставшей горчайшей карой...»	207
149. «Эти, взором своим в прошлом затеряны...»	208
150. «Подданный слабый светил надменных...»	209
151. «Гирлянда ли, корона...»	210
152. «Жду, спокойный, того, чего не знаю...»	211
153. «Я люблю то, что вижу, ведь я перестану...»	212
154. «В нас живут мириады...»	213
155. «Потерян каждый момент...»	214
156. «Каждый — особый мир...»	215
157. «Песни, смех и цветы освещают...»	216
158. «Как то дитя, увенчанное лавром...»	217
159. «Оставим знание, Лидия, может ли...»	218
160. «Бегство дня так нежно сегодня длится...»	220
161. «Право, я не из тех, кто предпочтение...»	222
162. «Цветы, срываю вас я, нет ли...»	223
163. «Беспрерывным и текучим пусть будет...»	224
164. «Одно моё движение...»	225
165. «Не более продуманная, чем жизнь животных...»	226
166. «Не умерли, Неера, старые боги...»	227
167. «Не затем, что боги мертвы, Лидия, сокрушаюсь...»	228
168. «В огромном просторе, где нет ничего из того...»	229
169. «В великий день даже звуки светлые...»	230
170. «У других ведут рассказ арфы и лиры...»	231
171. «Четырежды сменились сезоны мнимые...»	232
172. «Пусть боги забудут обо мне...»	233
173. «Если ты будешь тем, что оплакиваешь...»	234
174. «Без клепсидры время выливается...»	235
175. «Под защитой непрочной...»	236
176. «Под теми, этими ли деревьями...»	237
Приложение. Варианты од	238
Примечания	241
Алфавитный указатель	249



*Литературно-художественное издание*

**Фернандо Пессоа**  
**Оды Рикарду Рейша**

*в переводе Ирины Фещенко-Скворцовой*

*редактор:*  
Ольга Нечаева

*корректор, технический редактор:*  
Ольга Тузова

*руководитель проекта:*  
Александр Переверзин

издательство «Воймега»  
voymega@yandex.ru  
alkonost.mail@gmail.com

В оформлении обложки использован фрагмент мурала работы Жузе Собрала де Алмады Негрейруша с фасада филологического факультета Лиссабонского университета.

Подписано в печать 25.11.2019.  
Формат издания 60x90/16. Усл. печ. л. 16,5.  
Тираж 500 экз.

*возрастная категория 16+*

ISBN 978-5-6043511-4-7



9 785604 351147

Великий португальский поэт Фернандо Пессоа (1888 — 1935) всю жизнь создавал вымышленные личности — двойников-гетеронимов, которых наделял именем, биографией, внешностью, чертами характера и литературным даром. Больше всего из них известны трое — буколический поэт Алберту Каэйру, футурист Алвару де Кампуш и Рикарду Рейш — «португальский Гораций».

По замыслу Пессоа, Рейш родился в 1887 году, по профессии был врачом, по призванию — латинистом-неоклассиком, а по убеждениям — монархистом, из-за чего и покинул Португалию навсегда в 1919 году, жил в Бразилии и Перу, преподавал в американском колледже. Дату его смерти Пессоа не назвал, считается, что Рейш пережил своего создателя. Его стихи появились в печати единственный раз — двадцать од в 1924 году. Остальное осталось в огромном архиве Пессоа, в котором португальские исследователи до сих пор находят всё новые произведения.

Эта книга — первое самостоятельное издание од Рикарду Рейша на русском языке. Перевод выполнила один из ведущих переводчиков с португальского Ирина Феценко-Скворцова. Большинство стихотворений публикуются на русском впервые.

ISBN 978-5-6043511-4-7



9 785604 351147